

Международный рыбный день

Повесть

1

Серёга перед рыбалкой давно научился просыпаться без будильника. Вот и сегодня он услышал в голове призывный крик чайки, открыл глаза и сразу вынырнул из-под одеяла. Кровать предательски скрипнула, но Марина лишь повернулась к окну и продолжала безмятежно посапывать. Уличный фонарь сквозь просвет в шторах нахально уставился в глубокий вырез её сорочки. Серёга вдруг вспомнил, как маняще пахнет ложбинка между нежными холмиками...

Может, к чертям свинячьим эту рыбалку?! Да ещё восьмого марта!

«А друзья ка-ак? Костя твой к-а-а-ак?!», – заклокотала в голове целая стая чаек. Серёга постоял пять секунд, любуясь профилем спящей жены и угадывая под одеялом приятные округлости её фигуры, и на цыпочках вышел в коридор. Заметил розоватую полоску света из детской – Сонечка всё ещё боялась спать в темноте. Заглянул: ну так и есть, опять раскинулась как принцесса, одеяло комом в ногах! Он бережно укрыл дочку, закрыл поплотнее дверь в её комнату и пошёл собираться.

«Хорошо, что вечером догадался рыбацкое барахло сложить в коридоре, шуму меньше будет, – похвалил он себя. – Можно прямо тут и одеться, только надо тормозок забрать из холодильника».

На кухне он вспомнил, что надо залить кипятком термос. Бросил внутрь горстку высушенного морского шиповника, добавил сироп лимонника – да не с рынка фуфло поддельное, а своё, и собирал сам, и готовил, напиток получается божественный, лучше любого чая на льду идёт!

Отодвинув шкафчик, Серёга достал припрятанные подарки: дочке её любимые «Рафаэлло», а жене – новенькую просторную сковородку с тефлоновым покрытием. Дорогая, зараза, но Марина давно такую хотела, пусть порадует. Поправил розовый бантик на ручке – специально вчера упросил продавщицу, чтобы завязала его в форме восьмёрки. Хотел ещё открытку купить, да денег оставалось только заправиться. Ладно, и без открытки прокатит. Если сегодня жор будет, можно несколько кило зубаря¹ сдать перекупщикам прямо на берегу и взять бутылку вина, Маринка грузинское очень любит...

Держа в руках термос и контейнер с едой, Серёга бесшумно вернулся в коридор. Натянул термобельё, шерстяные носки, джинсы, свитер. Так, теперь надо себя проверить. Снасти в рюкзаке, удочки тоже – пучком из горловины торчат, нож в чехле на поясе, водительские права и телефон во внутреннем кармане, сигареты и зажигалка в боковом, ключи от машины – вот, на полочке... Вроде, порядок, ничего не забыл.

Серёга втиснулся в потёртый пухлый комбинезон, сунул руки в рукава куртки, натянул левый сапог, повернулся за правым – и словно в замедленной съёмке, с отчаянием приговорённого к виселице, увидел, как его любимый, заслуженный ледобур, с дополнительной вставкой для торосистого льда, отделяется от стены и падает со всей дури новенькими блестящими ножами прямо на железную полку для обуви.

БАМС!

Самый глухой от старости таракан в самой глубокой щели под ванной – и тот подскочил бы от такого грохота. Серёга застыл в одном сапоге, все ещё надеясь на чудо, но дверь в спальню уже распахнулась.

Марина двигалась по коридору медленно и неотвратно, как красавица-ведьма в фильме ужасов. Подошла вплотную, схватила мужа за рукав куртки.

– А другого дня у тебя что, не было?! – спросила она зверским шёпотом.
– И когда ж ты наловишься уже, а? Всю квартиру провонял этой рыбой! Просишь его как человека, просишь: не шуми, мы с Сонечкой поспать хотим... Что, без грохота никак?! Клевать не будет?!

– Марин, пожалуйста, только не начинай, а? – Серёга мысленно изумился щенячьему тембру своего голоса. – Я ж не хотел...

– Не хотел он! Да ты кроме своей долбаной рыбалки вообще ничего не хочешь уже! Ни работать, ни ремонт в кухне сделать... И со мной уже не помню, когда хотел! А денег случайно не хочешь дать? Хоть сегодня? Сонечка вон из куртки совсем выросла.

– Ты говорила уже... Я не стараюсь разве? Подожди чуток, вот скоро зубарь пойдёт, в марте всегда самый жор. На берегу сдавать буду, скупщики по триста рэ принимают. А лучше насушу и продам – так в два раза выгоднее.

– Ой, бизнесмен он у нас, полюбуйтесь, бабоньки, только руками чур не лапать! – Марина отпустила его рукав и отступила на шаг, словно хотела продемонстрировать такого завидного мужика невидимым подругам. – Да ты на бензин в три раза больше угрохаешь, чем заработаешь на этой корюшке! Всюду её навалом, дорогущая, просто обалдели – шестьсот рублей! Не берёт никто. А вяленую в гараже сами и сожрёте с пивом. Не знаю я вас что ли! И чего тебе не пойти хоть в то же такси, всё деньги в дом, хоть какие...

– Деньги?! – Серёга от возмущения даже перестал втискивать ногу в сапог. – Я ж тебе уже объяснял, Марин, там копейки сейчас платят. Ты в такси давно ездила? Одни киргизы рулят, так им деваться некуда! На своей машине если кататься, то больше выйдет, это да, только ходовку так расфигачишь на наших колдобинах, ремонт дорожке встанет... Ты лучше на кухню зайди, там вам с Сонькой приготовлено на столе – к восьмому марта.

Марина картинно всплеснула руками:

– Ой, надо же! Неужели не забыл!

Она вышла и тут же вернулась, брезгливо держа в вытянутых руках свой увесистый сюрприз с тефлоновым покрытием. Изящный бантик в форме цифры «восемь» был небрежно смят и едва держался на самом конце ручки.

– Вот подарок, так подарок! Да им только по башке тебя треснуть, может, хоть тогда поумнеешь!

Сковорода взлетела для разящего удара, но, после недолгой борьбы, в которой победила грубая мужская сила, так и застыла в верхней точке параболы. Сжимая жену за запястье, Серёга с приятным удивлением заметил, что бантик в форме восьмёрки всё-таки не развязался.

«Вот же я придурок! – обругал он себя. – Сегодня ж моя очередь отжариваться! Пакет вон в углу собрал: плитка, газ, мука, масло, специи... А жарить в ладошке будем?!».

Без особых усилий Серёга вырвал у жены сковородку, сунул в рюкзак, схватил ледобур, второй сапог, пакет для отжарки и выскочил в подъезд. На пролёте третьего этажа его догнал голос Марины:

– Можешь там и ночевать, на своей рыбалке! Хоть бы этот лёд оторвало уже скорей!

2

Антон Волгин раздражённо протёр очки углом скатерти – опять запотели! Инночка зимой не позволяет даже на сантиметр приоткрыть окно на кухне... А он уже напялил эти рыбацкие доспехи – хотел пораньше выйти, но вдруг вспомнил, что крючки на зубарёвых гирляндах с прошлого раза не распутал, надо новые найти, а то опять у мужиков придётся клянчить. Не раздеваться же теперь из-за этого! А всё Инночка со своей докторской – засиделись вчера до полуночи, помогал ей редактировать сложный раздел про мировоззренческие особенности айнов.

На обеденном столе от лампочки под золотистым абажуром образовался уютный жёлтый блин. Волгин поставил рюкзак прямо в его центр и начал

выкладывать на скатерть перепутанные гирлянды на корюшку, пустые мотовильца, грузила, катушки с леской... Крючки цеплялись за ткань, очки опять запотели, он их протирал каждую минуту, мысленно чертыхаясь.

С фотографий в рамках на Волгина сочувственно взирали смуглые бородатые лица: Инна любила развешивать на стенах представителей исследуемых народностей, утверждая, что это помогает научному вдохновению. Год назад она страстно увлеклась загадочными айнами, которых на Сахалине давно не осталось, всех после войны выселили на Хоккайдо вместе с японцами. «А ведь они тоже зимой рыбачили, – подумал Волгин. – Лучше бы Инночка эту сторону их жизни изучала, а не особенности религии».

Мысль об айнах произвела неожиданный эффект: Волгин хлопнул себя по лбу, сунул так и не разобранные снасти в карман рюкзака и прокрался в коридор. Там взгромоздился на банкетку, отодвинул коробку на верхней полке шкафа-купе и извлёк сначала солидный свёрток, перевязанный золотистой ленточкой, а следом хрустальную вазу с ярко-красными тюльпанами.

– Ах ты мой рыцарь Ланселот! – раздалось воркованье у него за спиной.

– Инночка, милая, ты как тут? – пролепетал рыцарь, с трудом удержав равновесие. – Всё-таки разбудил, прости! Не знаю, я даже дышал через раз.

– Не волнуйся, я сама проснулась, – успокоила его Инна. – Очень хотелось поскорее получить подарки. Ну чего ты застыл, слезай, хватит возвышаться, это в конце концов просто невежливо в Международный женский день! И кстати, напрасно ты цветы так оставил в шкафу, они бы за ночь завяли.

– Да вроде свежие, даже раскрылись немного...

Волгин слез с банкетки, машинально понюхал букет и попытался сунуть обратно в шкаф, но Инна мягким движением остановила его.

– Правильно. Потому что я вечером воды в вазу налила.

– Кхм... Спасибо!

– Не за что, Волгин! Это было в моих интересах. А тебе не мешало бы таблетки попринимать.

– Какие таблетки?

– Те самые, японские, для улучшения памяти. Помнишь, отец твой советовал?

Волгин пожал плечами и поплёлся за женой на кухню, прижимая к груди прямоугольный свёрток. Там он застыл, переминаясь с ноги на ногу и наблюдая, как супруга меняет воду в вазе, ставит её в центр стола, расправляет тюльпаны, любуясь ими с разных ракурсов.

– Ну, а это ты что так красиво завернул? – после классической театральной паузы небрежно спросила она, указывая на прямоугольный свёрток.

– А, это же главный сюрприз! – спохватился Волгин.

– Неужели?

– Да, представь себе! Буквально вчера успели доставить. Помнишь, ты в декабре говорила, что профессор Хинагава анонсировал её выпуск из печати. Тираж всего 120 экземпляров – и один теперь у тебя! Шикарное, ну просто невероятно шикарное исследование шаманизма айнов! А какие там великолепные иллюстрации! Уверен, очень будет полезна для твоей докторской.

– Да? В самом деле... необыкновенный сюрприз, – отвернулась Инна и открыла холодильник. – Ну так я и знала, ты опять забыл еду взять! А термос хоть положил? А то в прошлый раз так на столе и оставил.

– Инночка, подожди с едой, посмотри же, какое невероятное издание! – суетился Антон, лихорадочно пытаясь освободить подарок от упаковки. – Правда, пока только на японском, но английский перевод скоро наверняка будет... А если хочешь, я вспомню иероглифы и помогу главное понять.

С узелком он так и не справился, чикнул ножом по ленточке и вспорол обёртку. Выхватил тяжеленный том и, широко улыбаясь, протянул жене.

– Вот, держи! Правда же, великолепно?! С восьмым марта, дорогая!

Инна взглянула на подарок. С фотографии на обложке ей ещё шире улыбнулся узкоглазый рыбак, стоящий рядом с огромным тунцом, подвешенным за хвост на крюк лебёдки. Ниже краснели толстые аршинные буквы: «FISHING IN THE JAPAN»².

– Волгин! – сурово сказала Инна, – ты и сегодня в своем репертуаре!

Она резко отвернулась и опять стала поправлять цветы в вазе. Улыбка в пегой с проседью бороде мужа быстро погасла.

– А напomini-ка, пожалуйста, дорогой мой рыцарь Ланселот, чем это ты вчера обосновывал необходимость организации вашего мужского удовольствия именно в женский праздник?

– Ну как же, Инночка! Костя же прилетает, – Антон посмотрел на часы. – Ах ты, ёшкин кот, я уже в цейтноте! Буквально через полчаса московский рейс должен сесть. Они всего на день сюда с Кариной, а завтра уже в Токио. Потом ещё по Хонсю покатаются денька три. Это он ей такой сюрприз сделал, восьмимартовский!

– И себя не забыл, как обычно...

– Ну, Инночка, ну, так совпало по датам, ну, не сердись, я тебя умоляю! А хочешь, быстренько собирайся и тоже с нами?

– Нет уж, милый, я лучше твой подарок поизучаю. В тепле, – Инна развернулась к мужу и взяла, наконец, у него из рук тяжеленный альбом. – Даже законспектирую, может быть. Подготовлюсь, так сказать, к рыбалке в Японии. Теоретически.

– К какой рыбалке? Почему в Японии? Ты о чём?

Инна сунула ему книгу обложкой прямо под нос. Волгин отшатнулся.

– Японский городской! Чёрт их раздери, этих самураев! Инночка, это дичайшее недоразумение! Это же для Кости подарок! Мы с ним обычно какие-то презенты друг другу делаем, редко ведь встречаемся.

– Волгин, ты меня пугаешь... Я про ваши отношения чего-то не знаю? – со смешком спросила Инна, но муж её не слушал.

– Ничего не понимаю! – возмущался он. – Я этот альбом на неделю позже заказывал. Боялся, вообще к его приезду не успеют...

– Ну видишь, как вам повезло!

– Да, это очень кстати, потому что Костя нам с Серёгой шикарную зимнюю палатку, очень тёплую, везёт в подарок. В Норвегии купил. Дворец, говорит, а не палатка!

– Ну и чудесно, а то ты вечно с соплями возвращаешься. Шарф не забыл мой, из шерсти яка? Ну, который я из Якутска тебе привезла... И, кстати, если бы я в главном офисе Газпрома работала, как ваш драгоценный Костя, то давно снегоход бы вам в подарок купила.

Волгин обошёл вокруг стола и осторожно обнял жену. Почувствовал, как она сначала напряглась, локти выставила вперёд, а потом потихоньку отмякла, даже голову положила ему на плечо.

– Дорогая, прости, ну не посмотрел, перепутал! Твой подарок тоже прилетит на днях. Обязательно. Ты просто обалдеешь, честное слово!

– Да я уже! – освободилась от объятий Инна. – Праздник, можно сказать, удался! Международный... рыбный день!

В кармане Волгина звякнул смартфон. Он взглянул на экран и начал метаться по кухне. Мгновенно, как солдат по тревоге, натянул рыбацкие сапоги, вынул из холодильника коробку с едой. Инна сунула ему в карман рюкзака термос.

– Что, приземлился твой Костя?

– Ну да. Я помчался, ладно? Он пока багаж получит, я как раз их с Серёгой и догоню. Мы ему обещали сразу ехать на залив!

– Что, и Кариночка с вами?

– Зачем, она в гостинице пока поспит. Отдохнёт перед Японией.

– Логично. Значит, и у неё праздник на высшем уровне.

Инна, уже успокоенная, ласково обняла мужа.

– Осторожнее там! Я слушала прогноз, сегодня ветер, как вы это говорите? Отжатый?

– Отжимной, Инночка, отжимной...

Он снял с плеч её руки и пошёл в коридор одеваться.

– И пить там не вздумай, у тебя давление! – громко сказала вслед Инна.

– А «Никоретту» не забыл наклеить? Паштет взял? Сейчас принесу, я же вчера специально для вас готовила!

Она прибежала с паштетом, и тут в кармане её халатика тоже пикнул смартфон.

– Ну вот, МЧС предупреждение прислало: на лёд выходить крайне опасно, возможен взлом и отрыв припая. Может, не стоит рисковать? Пусть твой Костя с женой к нам в гости приходят. В парке погуляем, сходим в кафе...

Волгин уже стоял полностью одетый с рюкзаком на плече.

– Да они каждый день это шлют! Всем подряд, веером. Работать им просто лень: чем меньше народу на льду, тем спокойнее. Если МЧС слушать, вообще всю зиму дома будешь сидеть.

3

Витёк, крупный рыхлый дядька с помятым лицом нестибаемого алкоголика, раздвинул стайку корюшки, висящей на трёх рядах проволоки, закреплённой сверху дверного проёма, и ввалился на кухню. Тут было прохладно, балкон настежь, но запах сохнувшей рыбы стоял такой густой, что вызвал бы обильное слюноотделение у всех любителей пива. Только в это утро вся слюна у Витька куда-то исчезла, а язык превратился в наждачную бумагу и при каждом произвольном движении скрежетал во рту.

Он стоял, в грязных ватных штанах и в рыбацком прорезиненном плаще на голое тело, и растерянно оглядывался по сторонам. С балкона дохнуло ветром, и занавеска из корюшки, развешенной на планках, прикрученных к оконной раме, закачалась. Казалось, рыбки сейчас оживут, как в фильме ужасов, превратятся в зомби и поплывут по воздуху в направлении океана.

Витёк почесался и начал методично выдвигать ящики в кухонных шкафах. Потом взгромоздился на стул и тщательно осмотрел верхние полки. Слез, выдвинул из ниши микроволновку, пошарил за ней...

В голове стучало всё сильнее. Он открыл кран, плеснул на лицо воды. Опустился на карачки и долго всматривался в темноту под раковиной. Кряхтя, поднялся, затравленно огляделся вокруг и полез в морозильный ларь. Через минуту на полу образовалась гора пакетов и пластиковых контейнеров разных форм и размеров. Побросав все это добро обратно в ларь, Витёк грузно опустился на стул.

– Чёртик-чёртик, поиграл и отдай! Тьфу-тьфу-тьфу! – он хотел сплюнуть через плечо, но смог лишь выдуть воздух вытянутыми губами. – Вспоминай, голова! Думай-думай-думай!!! Где-то ж тут я её заначил, когда 23-е февраля отмечали с мужиками...

Через минуту нечеловеческие умственные усилия пришлось прекратить: на кухню забежала Ульяна – шустрая, маленькая, сухонькая, с коричневым от зимнего загара лицом, одним словом, как это часто бывает, полная противоположность мужу. Она осмотрела подоконник, заглянула под стол и начала раздражённо шарить по ящикам.

– Слушай, ты, жопастый, – толкнула она мужа в плечо, – ты случайно мою гирлянду, самую уловистую, не брал?

– Это какую?

– Ну какую-какую... Таковую! Самовязаную, с синими мохнушками на крючках, они ещё в темноте светятся. Я на те выходные с ней вас обловила всех. Как пацанов, на раз-два!

Витёк хитро облизнулся.

– Скажу, если покажешь, куда мою чекушку перепрятала.

– Отвянь, алкашня! – плюнула в сердцах Ульяна. – Нужна мне твоя водка, я почти год в завязке! Вечно сам сунешь, да и забудешь с пьяных глаз. И где ж моя золотая гирляндочка, а? – она тоже полезла на верхние полки, начала там шарить. – Да собирайся ты шустрее, светать скоро начнёт! –

прикрикнула сверху на горестно согнувшегося супруга. – Опять провошкаешься, на утренний жор не успеем, ехать ещё часа полтора и пердюхать по льду час, не меньше. Иди уже, машину грей!

– Ульяночка, ну скажи, где чекушка, а? – взмолился Витёк. – Мне бы починиться после вчерашнего...

– Да ты совсем ку-ку?! Тебе ж рулить!

– Я думал, ты сядешь...

– А харя не треснет?! – Ульяна спрыгнула и встала перед сидящим мужем, при этом их лица оказались почти вровень, так что она смогла поймать взглядом его бесстыжие бегающие глаза. – Это ж каждый раз так! Нажрётся с вечера, а утром: «Ульяночка, порули...». Во тебе! – она сунула ему прямо в глаз крохотный острый кукиш и снова полезла в кухонные ящики, приговаривая: – И где ж моя гирляндочка золотая? Где ж моя уловистая, с синими мохнушками?

Витёк поднялся, морщась и вздыхая. Едва он шагнул к двери, как жена резко повернулась и двинулась на него. Глаза её сверкали таким праведным гневом, что Витёк опасливо попятился.

– А ничего вообще, что сегодня восьмое марта? А ты меня рулить хотел заставить! Ну, что шарами лупаешь? Где подарок?!

– Да не забыл я... На льду попозжа хотел подарить, – Витёк раздобыл где-то в глубине необъятных штанов продолговатый свёрток с красными сердечками и протянул жене. – На, поздравляю!

Он наклонился чмокнуть Ульяну в щёку, но та отмахнулась и с хищной гримасой стала рвать упаковку, помогая себе зубами. Внутри обнаружилась зимняя удочка, пара рыбацких перчаток и несколько полиэтиленовых пакетиков с гирляндами на корюшку-зубатку. Ульяна пару раз сильно взмахнула удочкой, пробуя её на гибкость и упругость. Улыбнулась, довольная.

– Ну угодил, Витенька, ну, угодил. Ничё себе такая! И на зубаря будет работать, и на малоротку. – Ульяна стала быстро перебирать гирлянды,

оценивая их профессиональным взглядом. – Так, эта фигня, эта нормуль, вроде как «Хищник» или «Барракуда», крючки «шестёрка», без бороздок, сходов много, если на глубине... Ой, ну-ка, ну-ка... Да это ж она, моя золотая, с синими мохнушками! Ах ты, подлюка, говоришь, не брал?!

Витёк и не подумал оправдываться. Он рванул в коридор, схватил в охапку одежду, рюкзак и стремяглав скатился по лестнице в мрачный ночной двор. Отдышался, натянул свитер и куртку, достал из кармана связку ключей и пошёл в дальний угол, к облупленному железному гаражу, покрытому серебристой изморозью. Ворота со стоном открылись. Витёк исчез внутри, кое-как, с третьей попытки завёл дизельный микроавтобус. Двигатель работал с перебоями, из ворот гаража валил сизый дым, но хозяин не показывался. Слышно было, как он чертыхается, ковыряясь где-то у задней стенки.

Наконец, он вышел из ворот, сжимая в лапе пластиковую «полторашку» из-под напитка «Буратино». Открутил пробку, сделал жадный глоток, выдохнул и занюхал рукавом.

– Ну, Ульянка! Фашистка! – Витёк погрозил кулаком единственному светящемуся окну в доме. Сделал ещё глоток, довольно крикнул. – А ничё, хорошо пробирает, градусов полста точно есть. Надо завтра ещё бражки забодяжить.

Он нащупал в кармане карамельку, развернул и кинул в рот. Молоток, грохотавший в голове, постепенно превращался в нежный колокольчик.

Витёк блаженно улыбнулся, чмокнул бутылку и посмотрел на свет фонаря, сколько в ней осталось.

– Конечно, две надо брать, – согласился он сам с собой. – Праздник же!

4

Тимур Игнатов, не старый ещё пенсионер, длинный и жилистый, с седоватым мхом на впалых щеках, мирно почивал в своей холостяцкой берлоге. Металлическая кровать с панцирной сеткой и ржавыми шариками,

привинченными к перекладине над изголовьем, годилась ему в ровесницы, впрочем, как и большинство вещей в однокомнатной «сталинке» с высоченными потолками. Случайный гость, не знакомый с образом жизни хозяина, наверняка подумал бы, что тот притащил всё это барахло со свалки.

Отчаянно спартанскую обстановку нарушали только три относительно новых предмета: складной велосипед, прислонённый к стене, пара беговых пластиковых лыж в углу и ноутбук, прикорнувший на колченогой тумбочке.

В углу коридора был свален в кучу стандартный джентльменский набор рыбака: чёрные пластиковые санки-волокуши, зимний комбез, зашитый в нескольких местах грубыми стежками, ведро из-под шпаклёвки, потёртый рюкзак и страшно ржавый, едва живой бур, правда, с новенькими блестящими ножами.

Балкона в квартире не было, поэтому Игнатов, зная по опыту, что рыба, вяленая на морозе, намного вкуснее, придумал развешивать свой улов между оконными рамами. Силуэты крупной отборной корюшки так аппетитно выглядели в свете уличного фонаря, что гостям хотелось немедленно бежать за пивом.

Сонную тишину берлоги взорвала громкая торжественная мелодия:

Союз нерушимый республик свободных

Сплотила навеки великая Русь.

Да здравствует созданный волей народной...

На этом месте Игнатов нащупал на полу смартфон и отключил будильник.

– С добрым утром, Тимур Денисович, – зевнув, поприветствовал он себя.
– Так, сначала гимн, потом гимнастика. О, чуть не забыл: с днём рождения тебя, Тимурчик, живи долго и счастливо!

Он лихо вскочил и начал выполнять энергичные движения: махи руками, наклоны, приседания, растяжки... Рывком встал на голову, опираясь на стену ногами, и так стоял, медленно считая до тридцати. Из этого положения

успешно перевернулся в упор лёжа и медленно отжался от пола ровно десять раз.

Закончив на этом утреннюю зарядку, прошёл на крохотную кухоньку и сунул голову под кран. Вытерся бесцветным полотенцем, налил себе из термоса кофе. Сделал пару глотков, поставил смартфон на громкую связь и нажал чей-то контакт. «Мужики, хорош орать, Тимурчик звонит», – откликнулся хриплый весёлый голос.

– Илья, здорово, дружище! Ты уже в дороге, угадал?

– А то! Я вторую неделю каждый день мотаюсь, – похвастался невидимый Илья. – Не всегда, конечно, пруха, и скупщики борзеют, но тыщи на три в день сдаю.

– Вчера где ловили, знаешь? Куда рвануть, чтоб верняк, а?

– И охота вам сопли морозить! Скажи, сколько надо, я готовой привезу, вяленой. Отдам по оптовой цене, честно!

– Ты с кем сейчас говоришь, Илья? – поморщился Игнатов. – У меня пенсия 17 тысяч. Дай прикину, сколько я вагонов зубаря у тебя могу купить...

– Я твоим корешам хотел, а не тебе предложить, – ничуть не смутился Илья. – Ты ж недавно хлестался: мол, друган у тебя есть, ма-а-асквич, да не абы кто, в Газпроме бабло лопатой гребёт и на рыбалку к нам на Сахалин гоняет! Может, он рыбки возьмёт, ты спроси, а? У меня посол мягкий, не пересушена. Миллера³ угостит под пивасик, а тот Путина – а чё! Ещё круче подымется.

Игнатов хлебнул кофе из кружки, важно помолчал.

– Ладно, спрошу. Так скажешь, куда есть смысл?

– Дуйте на мыс Свободный, – уверенно сказал Илья. – Выходной же, колонна уже попёрла, места на берегу не будет живого. Где меньше машин, там и тормозитесь. Ключёт на двадцати метрах и глубже. Как попадёшь, короче. Только это, поглядывайте там! Трещину буранщики⁴ вчера засекли, где-то в километре от берега.

– Понял. Спасибо. На льду, если что, маякнёшь – вдруг к вам Жора придёт⁵ ...

– Заметано! Только Жора парень капризный, может и к вам забежать сначала. Ты точку на телефоне умеешь забивать и скидывать?

– Научился, – солидно сказал Игнатов.

– Вот и молоток! Скинешь, где вы, если жор попрёт. Я быстро прилечу, на мотособаке⁶ ж гоняю! Удобная штука, скажу тебе, в «Ниву» мою запросто влазит.

– Давай! – попрощался Игнатов. – На льду свяжемся.

Он начал одеваться, натянул шерстяные кальсоны с заплатками на коленях, две пары теплых носков и уже сунул руку в рукав рубахи, как из смартфона вырвался звучный голос мультяшного Трубадура:

Ничего на свете лучше нету,

Чем бродить друзьям по белу свету...

Посмотрев на экран, Игнатов недовольно поморщился и продолжил надевать рубаху. Но песня не утихала, и он, наконец, сдался.

– Тимурчик, приветики! – заорал смартфон голосом Ульяны. – С днём варенья тебя, мой ты золотой! Видишь, я помню! Короче, болтать некогда, мы уже гаишный пост проехали, скоро поворот на залив... В общем, это, здоровья тебе сибирского, как говорится, и удачи, чтоб рыба клевала, и писька стояла, ха-ха-ха!!! Слушай, я тут подумала, ну и свезло же тебе! Сегодня все мужики баб поздравляют, а бабы – наоборот тебя должны! Во прикол!

– Почему, я тоже тебя поздравляю, Ульяна Батьковна, с международным днём, – ледяным тоном отреагировал именинник. – То есть, с праздником женским. Тебе тоже ни хвоста, ни чешуи...

– Ага, спасибочки-спасибульки, а то я терпеть не могу, когда не клюёт. Зубарь, навага, малоротка, да хоть песчанка вот такусенькая, с мизинец, лишь бы хапала! Короче, болтать некогда, вы же едете? А куда надумали? Короче, никого не слушай, ехайте подальше, до самой треноги, ну, где рядом базу на берегу строят, забор увидите и тормозите. Там вчера дербанили до темноты. Я

сама сотни три взяла, и размер отличный, почти всю сушить повесила, в хате места пустого уже нету. И главное, близко – по льду не пять кэмэ пердюхать, а три где-то.

– Понял, спасибо! – отозвался Тимур потеплевшим голосом. – Давай, Ульяночка, я уже на низком старте, Серёгу жду.

Не успел он застегнуть рубаху, как смартфон опять запел голосом Трубадура.

– Игнатов, выходи, подлый трус! – прервал песню бодрый голос Серёги.
– Буду через три минуты.

5

Вдоль залива Мордвинова по узкому дорожному каньону, зажатому с обеих сторон окаменевшими сугробами, буксуя и скрежеща днищами по ледяным надолбам, ползла тысячеглазая автомобильная гусеница. Хвост её терялся около посёлка Охотское, а голова километров через десять упиралась в мыс Свободный.

В первобытные времена аборигены этот мыс наверняка считали божеством. Миллионы лет назад он шагнул далеко в море как сказочный богатырь и отгородил огромным своим щитом уютную бухту, в которой ледовый припай цеплялся за берег до последнего и кормил рыбаков щедро – только не ленись, бури лунки да опускай снасти... Когда штормы по всему побережью крошили ледовые поля и уносили белые осколки в океан, все рыбаки с юга острова ехали сюда, и каждый молился, чтобы на Свободном лёд ещё постоял. И мыс, как сказочный богатырь, крепко держал ледовый панцирь, иногда до середины мая.

Серёга чуть не плясал от радости – удалось втиснуть старенький «Ниссан-икстрейл» на плоскую площадку, недалеко от строящейся базы, как настаивал Игнатов. Здесь ветры выдули с берега весь снег, и получилась бесплатная парковка примерно на сотню машин. А любителям поспать,

которые тащатся сзади, придётся расчищать себе «карманы» в сугробах вдоль дороги. Кучу времени убьёшь, выкалывая ледяные глыбы, а главное, так умаешься, что никакой уже рыбы не захочешь!

Он выключил фары и вылез – проверить, не слишком ли плотно прижался к соседним машинам. В просветах облаков помаргивали звезды, а справа из-за мрачной громадины мыса уже появилась розовато-сиреневая полоса рассвета, торопившегося с Курильских островов на Сахалин. Серёга посмотрел на море, точнее, на бескрайнее ледяное поле, усеянное причудливыми торосами. Самые нетерпеливые рыбаки уже брели вперёд по набитым тропкам, их редкие фигурки растворялись в морозной полутьме. С берега, освещая себе путь фарами, испуская бензиновую вонь и натужно рыча, тронулся первый снегоход. В самодельных длинных санях, прицепленных к нему, уселись «ёлочкой» несколько пассажиров, широко раскинув ноги вдоль бортов. Сзади подпрыгивала глубокая пластиковая корзина-волокуша, нагруженная рюкзаками, ледобурами, ведрами и складными стульчиками.

Вслед за Серёгой на воздух вылез Тимур, поспешно расстегнул ширинку и пустил на снег дымящуюся струйку. За ним выпрыгнул Костя – красавец-мужчина с обаятельной улыбкой и пивным животиком, в новеньком, очень крутом рыбацком костюме, с жёлтыми карманами и светящимися полосками, в лимонных сапогах. Вместо рюкзака он вытащил из салона пластиковый чемоданчик, тоже ярко-жёлтый, словно не на зимнюю рыбалку приехал, а на курорт.

– Мужики, вы не представляете, как я счастлив! – он по-актёрски медленно встал на колени лицом к заливу, картинно поклонился и широко раскинул руки, словно хотел обнять сразу и друзей, и море с быстрыми росчерками проснувшихся чаек, и мрачную громадину мыса. – Какая красота тут у вас, да вы не понимаете просто! Не балдеете уже, привыкли. Как, допустим, у меня дома шикарная картина висит, натурально 19-й век, купил в Париже по случаю. Там тоже бухта такая туманная на рассвете, яхты, чайки...

Гости, кто соображает, кипятком писают. А нам с Кариночкой примелькалась уже, обычная стала, как мебель.

– А ты не пробовал на другое место перевесить? – спросил Игнатов. – Я как-то шторы из кухни в комнату перекинул, а те, наоборот, в кухню. Веселей стало, как после ремонта.

– И куда мне её прикажешь, в туалет? Но вообще ты прав, картинку перед глазами менять надо, – Костя поднялся с колен и в порыве чувств сгрёб обоих друзей в охапку. – Эх, как же я рад, братцы! Я эту поездку как солдат дембеля ждал!

– Может, как зэк свободы?

– Зря стараешься, Тимурчик. Я здесь, и я счастлив! Ура!!! – Костя внезапно подпрыгнул и заорал так зычно, что пожилой рыбак, проходивший мимо, шарахнулся от них и чуть не грохнулся на мёрзлый песок.

– Я ведь чуть не сдох от нетерпенья, под конец уже часы считал и минуты, – Костя повернулся к Серёге. – Да я писал тебе...

– Ага! По двадцать раз на день! Как проснётся у себя в Москве, так и давай по вотсапу пикать: скорей бы уже с вами на рыбалку, да какой сегодня клёв, да пришли отчёт, да сними на видео... Я вот, если честно, не понимаю, когда ты работать успеваешь?

– Слушай, а ты не прихватил с собой сигаретки такие приятные, прошлый раз их брал? – спросил Костю Игнатов.

– С вишнёвым вкусом? Не, я от них кашлять стал, перешёл на ментоловые, – Костя с готовностью полез в карман. – Будешь?

– Я так, на перспективу, – разочарованно протянул Тимур. – Я пока первую не поймаю, не закуриваю.

– Да ладно, попробуй! – Костя протянул ему открытую пачку. – Только бусинку в фильтре надо раздавить.

Игнатов глянул на пачку и переменился в лице:

– Костя, ты что? Зачем такую купил, да ещё друзей угощаешь! На ней же «РАК ГОРЛА» написано!

– Прошу пардона... Не понял...

– Наш Тимурчик предпочитает «ИМПОТЕНЦИЮ», – засмеялся Серёга.

– Ему она уже по барабану. Или ещё лучше «УГРОЗУ ВЫКИДЫША».

Костя захохотал и хлопнул Игнатова по плечу.

– Ну, выкидыш тебе точно не грозит!

Тот обиженно отвернулся.

– Ладно вам, – примирительно сказал Серёга. – Давайте, пока Волгина ждём, барахло вытащим. Чтобы сразу ехать на лёд, а то весь утренний жор профукаем.

Он открыл багажник и призывно махнул Косте – помогай! Они достали и аккуратно положили рядом с джипом огромный, пухлый ярко-оранжевый мешок с непонятными словами на латинице. На ручке болталась багажная бирка «нестандартный груз».

– Слушай, а она реально здоровая! – Серёга легонько пнул палатку носком сапога. – И не лень тебе было из Норвегии да через Москву переть? У нас тут не хуже есть.

– Таких нет! – уверенно сказал Костя. – И потом: когда бы я тут покупал тебе подарок?

Игнатов оценивающе приподнял за угол оранжевый мешок и вдруг с упрёком спросил Костю:

– А чего это подарок – ему? Когда у меня сегодня...

Он отошёл и стал ковыряться в своём рюкзаке, разглядывая удочки, поправляя воткнутые в пластиковые удилища крючки с разноцветным поролоном. Костя растерянно поглядел на Серёгу. Тот присел и молча нарисовал на снегу буквы «Д» и «Р».

Костя понимающе кивнул.

– Вот ты, Тимурчик, думаешь, что я про твой день рожденья забыл. А я – нет, я помнил! Это на двоих подарок, тебе и Серёге! Палатка же двойная. Я, когда покупал, внутрь заходил – там в теннис можно играть настольный. Вот

увидите, как поставим. Считай, две комнаты, полог в центре опускается. По комнате на брата!

– Ладно, – вздохнул Игнатов. – Проехали. Спасибо, что ж...

– А я палатки как-то не очень... – пожал плечами Серёга. – Если только ветрюган даванёт, тогда да. А так мне в городе стен хватает. Ты, Костя, зря думаешь, что мы не видим тут... Ну, эту красоту. Я вижу, люблю особенно на птиц смотреть. Чайки как дети в школе орут, на переменке. А орлан – чисто курица, сядет на торос, нахохлится. Кинешь ему рыбку, так он ещё выкобенивается, не за всякой взлетит. Да и вороны даже – ржачные такие, когда из-за объедков дерутся! А в палатке что? Сидишь над лункой, как над унитазом, да оттуда рыбу таскаешь.

– Просто Серёга у нас на рыбу сильно жадный, – объяснил Косте Игнатов. – За зубарём же бегать надо, если хочешь хорошо взять. Он вообще прав: палатка к месту привязывает. Пока увидишь, где замахали, пока свернёшься. Прибежал – а там уже не ловят.

– А комфорт?! – возмутился Костя. – Тебе рыба главное или удовольствие? Обязательно поставим! Я, если сильно дует, не люблю. Не то что мёрзну, а кажется, что меня сейчас поднимет и покатит – и докатит до самой Америки, – он повернулся к морю, где по льду ползли, светя фарами, уже несколько снегоходов. – Вы представьте, братцы, вот мы смотрим туда, а там, как океан закончится, сразу – Америка!!! Я ведь в детстве всерьёз не верил, что она есть. Думал, врут, только в газетах пишут, чтобы нас убедить, будто мы лучше всех в мире живём. А у них, мол, безработица и негров линчуют.

– А я пацаном Сталина в Мавзолее видел, – задумчиво сказал Игнатов.

– Обалдеть! – рассмеялся Костя. – Да ты, Тимурчик, мамонт! Динозавр! А я вот уже сколько?.. Скоро десять лет в Москве, а туда ни разу не зашёл. Как-то не тянет, да и некогда... Зато как палатку поставим, у нас будет не хуже Мавзолея! Все на экскурсию приходить будут, вот увидите. Гляди, какая она плотная – это двойные стенки. Теплоизоляция называется. А если печку

включить газовую, вообще хоть ночуй! Я в Канаде, когда на озёра ездил рыбачить, видел: там в похожих, ещё больше этой, неделями на льду живут. Во житуха, да? Проснулся – и уже на рыбалке!

– На озере можно ночевать, – одобчительно протянул Тимур. – На озере не страшно. Я той зимой уболтал одну подругу, да ты, Серёга, помнишь её – Настю?

– Это рыжая такая, гвоздик в жопе?

– Ага, она. Так я ей говорю: давай Новый год на льду отметим, в палатке, на озере Тунайча возле острова. Она повелась, конечно. Тогда мы только с ней сцепились, она ещё планы насчёт меня строила. Думала, наверно, что на озере у нас будет романтик, что я так хочу ей предложение сделать – в новогоднюю ночь: только мы, звёзды и наша любовь...

– А ты чего её звал? – перебил Костя.

– Да чего-чего – чтобы скучно одному не было, вот чего! Ну, опять же, она наготовила с собой всякого вкусного... Короче, пришли мы, ещё светло, поставили палатку, наловили селёдки на сковородку...

– Ты отжаривался, да?! – восторженно спросил Костя. – Эх, мужики, как я мечтаю свежей рыбки поесть на льду, чтобы она на сковороде ещё прыгала!

– Сегодня по любому поедим, – успокоил друга Серёга. – Я сегодня отжарщик.

– Вы будете слушать или как? – рассердился Игнатов. Друзья послушно закивали. – Ну так вот, выпили мы, закусили, тепло стало, надышали, понимаешь, напукали... Само собой, вмазали, праздник же. Я настойки своей фирменной взял, на кедровых орешках – вещь! Главное, делается просто: на литр спирта столько же воды, хорошо перемешиваешь, потом берёшь орешки чищенные...

– Вот любишь ты, Тимурчик, не по делу шарманку заводить! – толкнул его Серёга. – Ты ж про ночёвку начал.

– А, ну да... Короче, как даванул мороз, по прогнозу такого не было, градусов тридцать, да с ветерком, и ещё позёмка зарядами. Мы всю одежду на

себя, в спальники залезли, а не помогает. И главное, плитка не фурычит, газ замерзает, я отоплею на себе, а он пых-пых – и потух снова. Ну что, говорю, Настюха, станцуем?! Греться как-то ж надо! Натанцевались мы до рассвета, весёлый Новый год получился. Утром вылезаю, стал палатку собирать – хрен вам! Низ весь как каменный, намело на него крупки и намертво приморозило. Хорошо, топор был, а так бы и бросили палатку. Два часа отколупывал.

– Молодец, чё скажешь! Очаровал невесту, – похвалил приятеля Костя.

Друзья помолчали. Каждый уже явственно чувствовал рыбацкий зуд: не терпелось оказаться на льду, пробурить лунку, опустить снасть в таинственную глубину...

– Мужики, а чего мы торчим тут? Может, уже буранщиков искать пойдём? – предложил Костя.

– Да чего их искать, – махнул рукой Серёга, – вон их сколько, перед тропой тусуются. Странно, Волгин обычно не опаздывает. Говорю ему вчера: может, на мне все и поедет? А он как обычно: ой, неудобно, барахло из багажника к тебе перетаскивать... Чего там перетаскивать – рюкзак да санки.

– Это Инна ему велит, чтоб сам за рулём, – объяснил Игнатов. – Страховка типа, что не выпьет.

– Во бабы – дуры! – заржал Костя. Помолчал и добавил задумчиво: – Но за это мы их и любим.

6

В проходе между рядами машин затарахтел двигатель, и через минуту к друзьям подкатил снегоход. Над ним на высоченном шесте развевался чёрный пиратский флаг. Возраст буранщика-пирата определить было затруднительно: верхнюю часть лица под лохматой шапкой-ушанкой закрывали огромные горнолыжные очки, нижнюю – маска с волчьим оскалом, а наружу торчал только кончик носа, лиловый от утреннего мороза.

Пират заглушил мотор. Друзья смотрели на него выжидательно.

– Что стоим, садись, полетели! – он сделал приглашающий жест в сторону длинной телеги на полозьях, прицепленной за снегоходом. – Вчера с самого утра пёрла как больная, хапала на любые крючки. Профукаете жор, потом до вечера можно без толку сидеть.

– Это где она пёрла? – скептически поинтересовался Игнатов. – На волшебном острове Вотсап? Или в бухте Телеграмм? Там – да, каждый день ловят. Полные, блин, мешки на фотках! Отвези нас туда, дорогой! А то у нас этой зимой уловы – плакать охота, сколько ездим, ни разу даже по сотне не взяли.

– Почём возишь? – деловито спросил Серёга.

– Пятьсот с носа. Ну, едете, нет?

– Пятьсот! – Игнатов задохнулся от возмущения. – Да тут три кэмэ, не больше. Серёга, нафига нам эти буранщики, я за пятьсот сам тебя на санках дотащу!

– За деньги даже не парьтесь, мужики, – вмешался Костя, вынимая бумажник. – Вы меня довезли, я вас. Подожди, земляк, – обратился он к пирату, – сейчас соберёмся и поедem!

Он повернулся к Серёге:

– Слушай, где уже этот Волгин?! Звякни ему, чего он всех тормозит!

– Я уже пробовал, он вне зоны. «Абонент - не абонент»...

– Звони ещё, а я пока с буранщиком рассчитаюсь.

– Э, Костя, убери деньги, – тихо попросил Серёга, – я и сам могу заплатить...

– Не надо сам! – радостно вмешался Тимур. – Костя у нас кто? Газпром! А Газпром у нас что? Национальное достояние. Пусть хоть раз за хороших людей забашляет.

В лицо друзьям ударил свет фар: к их машине подкатил ещё один снегоход, с российским флагом на шесте. Буранщик-патриот снял поляризационные очки-маску, открыв худое, чёрное от загара лицо со

светлыми овалами вокруг глаз, и улыбнулся, продемонстрировав отсутствие двух верхних зубов.

– Дорого просит, что ли? – кивнул он на пирата. – Вы вместе? Поехали со мной, пятого везу бесплатно!

– Видали, тоже конкуренция! – обрадовался Костя. – А каршеринга у вас ещё нет, как в Москве? Точнее, «снегоход-шеринга». А что, мужики, круто было бы – сел сам и погнал.

– Не, тут это вряд ли прокатит, – засомневался буранщик-патриот.

– Почему? – удивился Костя. – Если цена адекватная! Вот тебе что лучше: самому гонять туда-сюда, или взял бабки за аренду – и отдыхай.

Буранщики помолчали, прикидывая открывающиеся перспективы их рискованного сезонного бизнеса.

– С одной стороны, правду говоришь, – согласился пират. – Кайф ещё тот – целыми днями между торосами петли нарезать. А вечером лезешь под снегоход: то одно полетит, то другое! Ненадежный, падла! Ну и как я его в чужие руки дам? Вот вы на льду сломаетесь – и что, я пешком побегу ремонтировать? Или вообще утопите!

– Я вот за свой пятьсот косарей отдал, – подхватил буранщик-патриот. – А новый, хороший, вообще «лимон» стоит. Если так любому дяде давать кататься, деньги не отобьёшь. Невыгодно. Лучше я десять ходок за день сделаю туда-сюда, а нет клиентов – подожду, заодно порыбачу.

Тут совершенно неожиданно из-за сугроба на границе импровизированной парковки появился Волгин – потный, запыхавшийся, с мелкими сосульками в пегой профессорской бороде.

– Ух, еле нашёл вас, – он бросил верёвку в санки, стянул с головы шапку и стал протирать ею очки. – А позвонить не могу, телефон сломал.

– Антон, ты! – Костя бросился его обнимать. – Ну, молоток, приехал! Как я рад, ты не представляешь!

– Вообразите, какой я идиот, – не слушая восторженных восклицаний столичного приятеля, продолжал Волгин, – карман забыл застегнуть, а когда

нагибался трос прицепить, он и выпал. И как я не заметил?! Главное, обидно: сам же и наступил на него!

– А трос зачем? – тревожно спросил Серёга. – Пугаешь!

– Не волнуйся, с моим джипом порядок. Это я легковушку хотел вытащить из кювета. Подхожу, смотрю: парень на пассажирском сиденье вообще лыка не вяжет, представляете?! А девушка совсем неопытная, похоже. Там простой поворот, как она не вписалась? Хорошо, в сугроб, а не в дерево. Стоит на дороге, плачет. Я по тормозам, естественно. Трос, говорю, есть? Она: не знаю, не моя машина, а этого – ну, который в дрова... И зачем я помогать полез? Телефон жалко... Там крюка нет почему-то, а за бампер я не рискнул цеплять. Вызвали эвакуатор в итоге.

– А мы уже все глаза проглядели, волновались, где ты, – опять обнял друга Костя. – Думали, проспал.

– Это получается, день с аварии начался? – вмешался Игнатов. – Хреновая примета...

– Ладно, не каркай! – остановил его Серёга. – Костя вон и так весь уже извёлся. Эй, мы готовы! – позвал он конкурирующих буранщиков. – Куда садиться?

– Вон туда, на телегу падайте, – обрадовался пират.

Он стал дёргать шнур ручного стартера. Двигатель сонно чихал, словно не хотел просыпаться и напрягать металлические внутренности. Наконец, смирился со своей участью и заработал ровно, лишь иногда жалобно побряхтывая. Друзья уселись друг за другом, только Серёга ещё укладывал свой длинный бур в здоровенную корзину, накрывал вещи сеткой, чтобы ничего не вывалилось по дороге, когда начнётся неизбежное подпрыгивание на торосах. «Жалко, что асфальт на льду укладывать пока не научились», – усмехнулся он своим мыслям.

– Ты телефон мой забей, – предложил ему буранщик-пират, – вечером назад заберу вас, со скидкой. Эй, плотнее к задку жмитесь, – крикнул он

пассажирам. – А ты падай за мной на заднее сиденье, – кивнул он Косте, – так сцепка лучше будет.

Костя охотно перебрался на снегоход.

– Так говоришь, Газпром башляет? – подмигнул ему пират.

– Да легко! Довезёшь, где сразу клюёт – плачу двойную цену!

Нагруженный снегоход, кряхтя, пополз к морю, огибая ледяные глыбы. Не успел он выехать на припай, как откуда-то сбоку послышался женский крик.

– Тимурчик, Серёга, погодите! Стой, говорю, сто-о-ой!!!

К друзьям наперерез, спотыкаясь, спешила Ульяна.

– Ну как чуяла, что вас встречу! – затараторила она, подбежав к саням. – Родненькие вы мои, дайте вас каждого хоть обниму! Ой, а чё, и этот с вами выгребся? – ткнула она рукавицей в Волгина.

– Да, мадам, имею право, – нахохлился тот, – не всё вам одной рыбу полными вкладышами таскать. Кстати, поздравляю с международным, так сказать, женским праздником!

Ульяна посмотрела на него с подозрением.

– Ну спасибочки-спасибульки, ежели не шутишь... Вообще приятно, а то меня сегодня даже сынок пока не поздравил, только мой алкаш.

Тут, лёгок на помине, в поле зрения показался и Витёк. Он шагал размеренно, не спеша, волок на верёвке, прицепленной к поясному ремню, здоровенные семейные сани. Роба у него была красная и вполне довольная.

– Всем здорово! – гаркнул он, но руку подал только Тимуру Игнатову.

– А вы что, пешком попрётесь? – спросил Серёга.

– На билеты не хватает! – развела руками Ульяна. – Витенька мой зарплату в винно-водочный сразу тащит. Вот рыбка выручает, наловлю – и живём. И кредиты проклятушие с неё платим. Зато новый телек взяли перед зимой, такой чёткий – я прям наглядеться не могу! А так бы я тоже прокатилась. С такими кавалерами! Да хоть и у этого на коленочках, – она сделала вид, что пытается прильнуть к Волгину.

Тот от неожиданности закрылся руками, а Ульяна закатилась ехидным смехом.

Костя, у которого терпения почти не осталось, спрыгнул со снегохода и тронул Ульяну за рукав:

– Вот место для вас, мадам! С праздником! – Он быстро уселся на телегу, потеснив друзей. – Братцы, погналы уже скорее!

Ульяна не заставила себя уговаривать.

– Удочки мои давай! – крикнула она мужу, усаживаясь позади буранщика. – Да быстрее ты, тормоз! Или давай рюкзак вообще, в корзину вон кинь, скорей дочапаешь.

– Не надо рюкзак! – испугался Витёк. – Я сам! Эй, а как вас найти тама?

– Мы палатку поставим, – успокоил его Костя. – Она оранжевая такая, двойная, огромная, как дворец, не спутаешь.

Витёк подождал, пока снегоход скроется в сизом рассветном воздухе. Вынул из санок здоровенное ведро из-под шпаклёвки. Подумал вдруг, какая это незаменимая вещь: и сиденье, и ёмкость для рыбы, ловишь да кидаешь под задницу, при этом и зубарь на льду не сохнет, и конкуренты не видят твоих успехов, рядом лунки не бурят, рыбу не распугивают... Он взгромоздился на ведро, развязал рюкзак, достал початую «полторашку». Глотнул, покатал самогон между щеками, словно полоскал зубы от пасты. И заулыбался миру – безмятежно, как Будда.

7

Граждане, которые в выходной день любят нежиться до обеда в теплой постели, вряд ли поймут, какое это счастье – мчаться на рассвете по льду, сковавшему Охотское море, мимо высоких вешек, поставленных буранщиками вдоль «дороги жизни», утопанной десятками снегоходов и тысячами сапог. Ты сидишь спиной вперед, раскинув ноги по бокам широченного сиденья, вцепившись в натянутые вокруг него веревки, чтобы не

вылететь на крутом повороте. Снегоход то подпрыгивает на буграх, то петляет, объезжая торосы, то забуксует так, что всем пассажирам приходится слезать и его выталкивать, а то вдруг ка-а-ак выскочит на гладкий участок да ка-а-ак рванёт по прямой, поднимая полозьями снежные брызги и пугая сытых чаек, дремлющих вблизи своего недоеденного ужина – мёрзлой наваги, брошенной рыбаками возле лунок. «Значит, зубарь вчера хорошо клевал, если навагу не брали!», – понимаешь ты, и такой азарт вскипает где-то в селезёнке, что так и тянет немедленно спрыгнуть со снегохода, пробурить лунку и ждать первую поклёвку с той же страстью, с которой влюбленный юноша ждёт первого поцелуя.

Но опыт многих прежних рыбалок остужает этот пыл. Он говорит: не спеши, корюшка в начале марта еще не жмётся к берегу, а значит, надо ехать подальше, чтобы подо льдом было метров 30-40, там больше шансов нарваться на косяк и поймать к вечеру полный вкладыш крупных икраных зубарей, которые через месяц, высохнув на балконе, превратятся в свободно конвертируемую местную валюту: хоть на рубли меняй, хоть на нужный товар или услуги. На острове, да и далеко за его пределами, все знают, что лучшей рыбки под пиво человечество ещё не придумало!

Поэтому, когда буранщик-пират, проехав километров пять, остановился на изжёванной гусеницами площадке, где разворачивались почти все снегоходы, и предложил выгружаться, Серёга попросил его по-братски протянуть вперёд еще метров триста.

Друзья спешили на удобной и довольно просторной ледовой «поляне», окружённой торосами. Солнце уже выскочило из-за сопки, но мороз пока не ослаб, и ветерок поднимал лёгкую снежную пыль. Костя сразу же сказал, что он не для того пёр из Норвегии палатку, чтобы она валялась тут без дела – и развил бурную командную деятельность, заставив Серёгу и Волгина раздвигать изнутри оранжевые стены и вкручивать в лёд колышки.

Палатка в самом деле оказалась шикарная. В двух кубических «комнатах» могли с комфортом, не толкаясь локтями, рыбачить шесть

человек, а если слегка потесниться, то и все восемь. И стоять можно было в полный рост, и даже лунки бурить! И окошки для проветривания имелись, и цеплялки на потолке для фонариков, и даже матерчатые трубки на стенках – чтобы вставлять удочку с опущенной в лунку снастью, а самому отвлекаться на другие дела, не опасаясь, что крупная наважина потянет её на дно и утопит, как это тысячу раз случалось у невнимательных рыбаков.

– Ну, как домик? – небрежно поинтересовался Костя.

Волгин и Игнатов наперебой стали расхваливать палатку. Тимур сказал, что в таком дворце готов жить на льду хоть целый месяц, только чтобы кто-нибудь приезжал и забирал улов в обмен на жратву, выпивку и газовые баллоны.

– Без обогрева ночью сдохнешь, – объяснил он. – Никакой спальник не спасёт.

Серёга тоже похвалил подарок, только добавил с ноткой сомнения, что таскать его с собой будет тяжело. Особенно назад, когда прёшь во вкладыше три-четыре сотни хвостов.

– Ничего, своя ноша не тянет, – беззаботно ответил Костя и полез в палатку, где Волгин и Игнатов уже спорили, кому первому бурить лунку. Когда зашёл щедрый московский гость, это право безоговорочно уступили ему.

Серёга взял ведро из-под шпаклёвки и пошёл поближе к Ульяне. Она сразу по прибытии упростила Игнатова прокрутить ей пару лунок в разных местах и теперь бегала между ними. Если на одном не было поклёвки больше пяти минут, ей становилось невмоготу – хоть ныряй и хватай рыбу зубами! Но сейчас от беготни толку не было никакого: рыба, возможно, ещё просто не проснулась.

Привычными движениями собрав бур, Серёга стал выбирать место для будущих подвигов. Когда-то он полагал, что не имеет особого значения, в какой конкретной точке на бескрайнем ледовом поле ты опускаешь гирлянду с крючками, наживленными «химией»⁷: поролоном, резиной, светящимися

нитками самых разных оттенков, от темно-зелёного до ярко красного. Корюшка – рыба стремительная, хищница всё-таки, поэтому может сесть на крючок в каком угодно месте, думал он... Но со временем стал понимать, что есть какие-то загадочные закономерности, объясняющие, почему в одной и той же компании кто-то выхватывает три сотни хвостов за день, а кто-то едва три десятка. И пришёл к выводу, что дело не только в конфигурации крючков, толщине лески и цвете «химии». Нужна чуйка! Угадаешь, в какой точке рыба поймает флюиды твоего азарта – будешь с уловом. Не угадаешь – набегаясь за день, без толку дырявя лёд, умаешься как шахтер-стахановец, а к вечеру едва надергаешь на пару сковородок.

Серёга несколько минут ходил по «поляне», топал сапогом по льду, нюхал воздух, прислушивался к внутреннему голосу. Чуйка почему-то молчала, и он прокрутил пару дырок там, где меньше намело снега, чтобы не ходить по снежной каше, когда станет теплее. Уселся на ведро, вычерпал шугу из лунок. Выбрал из своего арсенала две удочки с принципиально разными гирляндами. Он всегда так делал с утра. Кто знает, какой цвет «химии» сегодня будет зубарям по вкусу; если начнут хапать, к примеру, на салатовые, то и на вторую удочку нетрудно прицепить гирлянду с похожей наживкой.

Наконец, он опустил снасти в глубину, дождался, пока грузики упадут на самое дно, чуть приподнял и стал подёргивать удилища по очереди, коротко и резко.

8

Через час боевое настроение у всех словно испарилось на утреннем солнышке. Серёга дымил, прикуривая одну сигарету от другой. Ульяна почти перестала бегать от лунки к лунке, только что-то недовольно бормотала себе под нос.

Мужики в палатке сбросили куртки и свитера, Костя остался в модной брендовой футболке, рельефно обтягивающей круглое офисное пузико. Он то и дело расстёгивал молнию на входе, высовывал голову и кричал Серёге:

– Ну, что у вас? Хоть поклёвки были?

Серёга виновато разводил руками.

– Хорош уже суету наводить, – рассердился наконец Игнатов. – Сиди спокойно, лови. Клюнет, куда она денется.

– Не, мужики, надо что-то делать! – чуть не плача, сказал Костя. Он встал на колени, наклонился и вдруг заорал прямо в лунку: – Рыба, просыпайся! Так нечестно! Я больше суток не спал! Я восемь тысяч кэмэ летел, спешил к тебе на свидание! Почувствуй мою любовь! Ответь мне взаимностью!

– Ты лучше на жалость дави, – посоветовал Игнатов. – Смотри, как надо, – он склонился над своей лункой и протяжно загудел: – Дедушка-а Непту-у-ун! Пожалее-ей меня-а-а, я живу на одну пе-енсию-ю!!!

– Тебе хорошо, – завистливо сказал Костя. – А если я совру про пенсию, может, ещё хуже будет...

– Хуже?! – изумлённо переспросил Тимур.

– А я согласен, – вступил в разговор Волгин. – Хуже может быть в любой ситуации. Например, внезапно начнётся метель.

Костя опустил ещё ниже, закричал, почти касаясь воды губами:

– Рыба-а, ну будь ты человеко-ом! Мне улетать завтра! Ну, клюнь, пожалуйста, хотя бы навага...

Морская бездна молчала. Только чайки где-то неподалёку истошно загалдели – явно издевались над неудачливыми рыбаками.

– Антон, – сев на стульчик, обратился Костя к Волгину, – вот ты можешь с научной точки зрения объяснить, почему именно сегодня такая подстава? В тот единственный, блин, день, когда я здесь, на воле, и на тебе – полный облом?!

– Ну, я, знаешь ли, не ихтиолог вообще-то, – важно начал Волгин, – но, тем не менее, могу предположить, что из-за падающего атмосферного

давления водная биомасса постепенно смещается от зоны бентоса в более высокие слои пелагиали.

– Понял? – засмеялся Игнатов.

– Неужели даже на отжарку не надёргаем?! – трагическим голосом воскликнул Костя.

– Нету рыбы вверху, Антон! – крикнул Серёга. – Я на разной глубине пробую, уже и под самый лёд поднимал. Нигде даже не нюхает. Полный игнор.

– Праздник называется! – подошла к Серёге Ульяна, злющая и несчастная. – Зачем я, как дурочка малахольная, с вами поехала? Застряли тут с палаткой, а за рыбой бегать сегодня надо! Слушай, Серёжечка, пошли вон на ту «полянку» сходим, а? Видишь, чайки там вроде клюют что-то. Видать, народ вчера ловил, навагу не взяли мелкую. Ну пойдем, тут метров триста всего.

– Ага, триста... Минимум полкилометра, да ещё через торосы. И каша на льду... Иди, если неймётся.

– Бур возьму твой, ладно? – попросила Ульяна. – А Витёк придёт, наш оставит.

– Да на здоровье!

Ульяна, побряхтывая, ухватила за ручку ледобура. Поставленный вертикально, он оказался чуть не вдвое выше её. Дунул ветерок, бур покачнулся и рухнул. Ульяна едва удержалась на ногах.

– Серёжечка, ну сделал бы мне в женский день подарочек, а? – в её голосе вспыхнули неожиданные кокетливые нотки. – Давай вместе туда сбегает, а? Ну не хочешь, и не лови там, мне только прокрути пару дырок.

– Извини, никак, – отрезал Серёга. – Я сегодня отжарщик. Как я уйду? Пусть вон Тимур сходит.

– Не, я не могу, – лениво откликнулся из палатки Игнатов. – Мне сначала выпить надо. И закурить. Я же только на рыбалке развязываюсь. А то бы помер уже, наверно...

Ульяна залезла в палатку, присела рядом с Тимуром.

– Хочешь, на сигарету? А мой придёт – нальёт, он сто процентов взял. Паси его, не паси – бесполезно, свинья грязь найдёт!

– Эх, Ульянка, вот ничё ты не помнишь, – с укором отвечал Игнатов. – Я сколько раз объяснял принцип: пока первую не поймает, ни рюмки, ни сигареты! Это у тебя рыбалка – промысел, а для нас – ритуал, понимаешь? Сегодня мы и так уже нарушили, а надо пешком идти. Вот как потопаешь по морозцу часик, а лучше полтора, как пропотеешь, хватанёшь кислородцу – а потом как первого зубастого выхватишь, вот тогда и первая затяжка такая сла-а-адкая... После первой рюмки, это само собой, только эту рюмку нельзя ни в коем разе закусывать! Весь смак перебьёшь... Да что ж это и правда такое! – он раздражённо подкинул вверх самодельное удилище, вырезанное из потемневшего от времени куска пенопласта. – Вообще с утра глухо! Надо ещё пожаловаться.

Он опять склонился над лункой:

– Рыба-а-а, мне завтра уху варить не из чего!

– Рыбка, хочешь стать золотой? – подхватил Костя. – Давай я тебе денег в лунку кину? Только клюнь, ну пожалуйста!

Ульяна обиженно махнула на них рукой – кавалеры, называется! – и обречённо пошла к своим лункам. Волгину тоже надоело без толку дергать удочку. Он встал в полный рост, сделал пару наклонов и приседаний, разминая затёкшие мышцы, наполнил кружку дымящимся чаем из термоса, поставил на лёд остывать. Подошёл к приятелям, скрестил руки на груди, как будто стоял за кафедрой:

– Знаешь, Костя, я недавно читал, что группа японских ихтиологов провела исследование и выяснила, что перед непогодой стайные рыбы, а азиатская зубатая корюшка – именно стайная, так вот – она хаотично перемещается по акватории. Возможно, если отойти метров на двести, там действительно будет клёв. Но я лично не рискну с Ульяной идти.

– Боишься, приставать начнёт, а муж застучает?

– Не смешно. Глупое предположение...

– Антон, без обид, чего ты! – Костя встал и похлопал его по плечу. – Так может, мне рискнуть здоровьем? А то так и уеду без единой поклёвки.

– А-а, да ты ж не ездил с ней никогда? – вспомнил Волгин. – Конечно! Это Тимурчик её в нашу компанию притащил, ты уже тогда в Москву уехал.

– Наверно. Мы не пересекались, это точно. А она прикольная, я смотрю. Опытная – видно. И азартная, да?

– Такой азарт лечить надо! – чуть не закричал Антон.

Он глянул на распахнутый вход в палатку, застегнул молнию и начал рассказывать вполголоса:

– Я однажды вот так согласился с ней пойти, пробуриться помог. Сели вдвоём просто идеально! Маленький такой участок с ровным льдом посреди сплошных торосов – значит, никто не набежит, не обурит⁸ и рыбу не распугает. И знаешь, бывает так, у меня одна за одной клюёт, ну прямо беспрерывно, по три-четыре на гирлянду цепляются, а Ульяна не ловит. Крючки были у меня синие, с коротким цевьём, идеально в тот раз сработали. А у неё нет таких, и полное фиаско. Как она меня измучила, нет слов! Сама не ловит и мне не даёт! То лунку ей рядышком с моей пробури, то крючки похожие поищи... Потом совершенно обнаглела: дай, говорит, твоей гирляндой половить!

– Ну да, это всё равно, что у казака его шашку попросить...

– Я бы другую аналогию провёл: это как взять чужую зубную щётку.

– И ты дал?!

– Ага, сейчас! Она меня почти всегда облавливала, а тут я! – приятное воспоминание словно подсветило лицо Волгина изнутри, даже пегая борода стала светлее. – И ничего ей не помогает, несколько гирлянд сменила, по всей «полянке» лунки перепробовала. Потом присела подальше от меня, а ветерок в мою сторону, и я слышу... Ну это смешно, конечно... В общем, бубнит что-то над лункой, как бы ворожит. Побубнит-побубнит – и лунку перекрестит. И так несколько раз. А слова нелепые какие-то, я в точности, конечно, не запомнил. Ну, примерно так:

Корюшка моя ненаглядная,

Красавица ты нарядная,
К лунке моей подойди,
И мои крючочки скорее найди,
А вон тому гондону их оборви,
И ко мне во славу Божию плыви!

Костя с Игнатовым покатались со смеху.

– Вот что я ей сделал, чтоб таким словом обзывать? – недоуменно закончил Волгин.

– А я всё никак не пойму, чего ты на неё куксишься! – догадался Костя.
– Тоже, нашёл, на кого обижаться. Глянь, она ж почти убогая. Жалеть таких надо, Антон! Будь выше. Она правда с рыбы живёт?

– Ну не только...

– Ещё черемшу собирает, грибы, ягоды, – с уважением сказал Игнатов.
– А зимой, ну да, сам видел, наловит и стоит, торгует на рынке. Пару дней рыбачит, день продаёт. Хвасталась, что у неё постоянные клиенты есть, звонят по вечерам и за свежей рыбкой домой приезжают. Я вот так не умею, пробовал пару раз с ней на рынке постоять – скучно.

– Так она почти бизнес-вумен, – улыбнулся Костя. – А ты, Антон, заработать ей мешал. Так что считай, получил за дело. С её точки зрения, конечно.

– Всё равно, зачем обзывать? Мы же не в детском садике! – не мог успокоиться Волгин.

– Золотые слова! – воскликнул Костя. – Сейчас поймаем, отжаримся, нальём – и я вас помирю, заставлю выпить на брудершафт!

– Правильно без «на»... – поправил Волгин.

– Что – без «на»?

– Просто: «выпить брудершафт».

Костя отмахнулся и опять уселся на стульчик, начал с надеждой помахивать удочкой. В палатке застыла унылая тишина, только ветер иногда

посвистывал, застревая в шторках, прикрывающих квадратные сетчатые окошки.

9

Главный секрет счастья, возможно, в том, что оно приходит неожиданно. К нашей рыбацкой компании оно явилось под отчаянный вопль Ульяны:

– Ташу-у! Только не сорвись, родненькая моя, только не сорвись!

Друзья выскочили из палатки. Ульяна махала руками, широко раскидывая по ветру леску, и притопывала от возбуждения. Вскоре она выбросила на лёд первую рыбку, за долю секунды смахнула её с крючка и тут же стала опускать снасть, придерживая леску рукой, чтобы та, не путаясь, ровно и быстро шла в глубину.

Волгин и Костя подошли к удачливой рыбачке. На льду рядом с лункой прыгала, сверкая на солнце серебристыми боками и отчаянно разевая зубастый рот, не очень крупная – сантиметров пятнадцать – но самая настоящая корюшка.

– И чего так орать? – с плохо скрываемой завистью сказал Волгин. – Малявка, не заслуживающая внимания. Вот в краеведческом музее есть экземпляр! Ровно 39 с половиной сантиметров! В океанографической экспедиции попалась, когда изучали запасы пелагических рыб в Охотском море...

В этот момент клюнуло у Серёги: он быстро замахал руками, выбирая леску. Костя не стал слушать про рекордный экземпляр и рванул к своей лунке. Волгин поспешил за ним. В палатке довольный Игнатов уже вытягивал из глубины свою первую рыбку.

Не успел Волгин взять удочку, как ощутил в глубине мощный удар – словно кто-то подбросил крючок вверх – а затем вожаделенную живую тяжесть. Он стал бешено крутить катушку-мультипликатор – не любил бросать леску

на лёд, как это делали сахалинские рыбаки, наверное, со времен царской каторги. Крутил и хвалил себя за то, что не пожадничал, когда прошлой зимой летал в командировку в Саппоро и на последние йены купил себе эту недешевую штуковину, хотя Инночка просила привезти духи «Кензо» и побольше знаменитого, обожаемого ею шоколада «Ройс Нама».

Первая рыбка Волгину попалась такого же размера, как и Ульяне. Пока леска с катушки уходила назад в глубину, Игнатов успел поднять на гирлянде сразу двух зубарей и здоровенную желтопузую навагу, которая вцепилась в самый нижний из шести крючков. Слышно было, как на воздухе ударно работают Серёга и Ульяна, перекидываясь радостными восклицаниями:

– Опа! Сидит...

– Иди сюда, мой красавец!

– У меня сразу два, один здоровый.

– И у меня два. Хрен там, три!

– По ходу, косяк подошёл.

– Ага.

– И размер неплохой.

– Нормалёк!

– Ты не маши как мельница, набегут же, обурят!

– Да кто набежит! Глянь – весь народ ближе к берегу сидит.

Костя слушал эту азартную переключку, смотрел, как Игнатов и Волгин прямо у него под носом бросают на лёд зубарей – и чуть не плакал. На его гирлянду с крохотными искусственными креветками, светящимися в темноте салатново-изумрудными переливами, которую так нахваливал рыжий продавец в норвежском Бергене, сахалинская рыба не обращала никакого внимания.

Он машинально глянул в смартфон.

– Может, она на музыку расклюётся? – на его лице мелькнула надежда.

– Мужики, хотите песню про рыбалку? На вашем местном сайте вчера скачал.

Из смартфона вырвалось разудалое вступление в стиле шансона, и приятный баритон с лёгкой хрипотцой запел:

Сахалинцы – нация особая,
Друг за друга держатся горой.
На рыбалку очень уж способная –
Убедился в этот выходной.
Лишь за сопкой солнце замаячило,
Лёд уже дырявят рыбаки.
На удачу тоже порыбачу я,
Раз с собой позвали мужики!

Друзья оживились, заулыбались. Ритм сменился, и через короткий проигрыш баритон выдал такой залихватский припев, что его сразу хотелось подхватить:

А над лунками парок!
Ловит корюшку Юрок!
И таскает почём зря
Малоротку, зубаря...

В эту секунду Волгин, сняв очередную рыбу с крючка, заметил несчастное лицо Кости. Помешкав, протянул ему свою удочку. Костя схватил её обеими руками, от неожиданной поклёвки потерял равновесие и вместе со стульчиком грохнулся на лёд. Смартфон упал рядом, песня оборвалась. Падая, Костя дал слабину – и добыча ушла. Он быстро уселся, напряженный, в полной боевой готовности – и через секунду уже подсёк добычу. Когда рыба оказалась у него в руках, он вскочил и на глазах изумлённых друзей исполнил хаотичный дикарский танец, выкрикивая недопетый баритоном припев:

Огуречик-огурец!
Ловит корюшку Юрец!
Ловит рыбку в две руки –
Это счастье, мужики!⁹

Не в силах сдержать чувств, Костя схватил со льда своего первого зубаря, чмокнул его в блестящий бок и начал обнюхивать, глубоко вдыхая изумительный огуречный запах.

– Пахнет, мужики!!! – восторженно воскликнул он. – Я в нашем клубе рыбацком рассказываю – половина не верят... Антон, ну хоть ты объясни, зачем ей именно огурцом нужно пахнуть?

– Есть теория, – важно отозвался Волгин, – что этот запах выделяют самки, чтобы привлечь самцов.

– Надо же! – удивился Игнатов. – Всё как у людей.

Костя начал делать селфи, держа свою добычу то справа, то слева от лица. Приблизил камеру и щёлкнул себя с широко разинутым ртом, как будто собирался проглотить несчастную рыбку живьём, как баклан.

– Сейчас на сайт клуба выложу: народ взвоят от зависти! – доложил он.
– Эх, жалко, запах нельзя выложить, да? Слушайте, не уходит что-то... Мобильный интернет тут вообще ловит, нет?

Полог палатки ушёл в сторону, внутрь осторожно протиснулся Серёга.

– Хотите, чтоб не клевала больше? – возмущённо спросил он. – Почему за первую добычу никто не наливает? Тимур, доставай быстро!

– Я думал, ты сегодня берёшь, – осторожно сказал Игнатов.

– Опять приступ склероза?! – возмутился Серёга. – Моя вахта по отжарке, я вон гляди сколько всего припёр... Даже сковородку новую, муха не сидела.

В палатке повисла звенящая пауза.

– А что вы на меня смотрите? – забеспокоился Волгин. – Если бы я спиртное в рюкзак положил, Инна бы умерла от инфаркта.

– А в машине прятать не пробовал? – поинтересовался Серёга.

– Или по дороге в магазине купить? – подхватил Тимур.

Волгин повернулся к Косте, который рассматривал гирлянду на его удочке, пытаюсь вспомнить, есть ли у него похожая в арсенале.

– Костя, ну скажи им, почему надо каждый раз обязательно наливать на рыбалке? Это какой-то алкаш придумал: якобы, если за первую рыбку не выпить, потом клёва не будет! Никто, между прочим, не собирал данные, срабатывает эта примета или нет.

– А я бы обмыл свою первую! – облизнулся Костя. – Серёга, ты почему не сказал, я бы с собой вискарика в багаж положил вкусного...

Игнатов полез в рюкзак, стал вынимать всё подряд – удочки, завёрнутые в резиновую «пелёнку» с нашитыми карманами, рукавицы, запасной свитер, пластиковый контейнер с закуской... Когда рука нащупала на дне плоскую бутылку, он уже хотел радостно закричать, но вдруг вспомнил, что именно в эту ёмкость в прошлый раз наливал свою знаменитую кедровую настойку и просто забыл выложить. Глянул – так и есть, всё тогда вылакали, даже пяти капель на донышке не осталось для символического тоста.

Костя укоризненно покачал головой, попросил у Волгина «нормальную гирлянду» и стал прицеплять к своей удочке. Серёга шагнул к выходу – и вдруг отшатнулся от неожиданности: на пороге стоял Витёк.

– Ну вы и умотали! – пробасил он, просунув внутрь красную распаренную рожу. – Еле увидал, весь народ ближе сидит. Много уже хапнули?

Игнатов посмотрел на приятеля, как на спустившегося с небес ангела:

– Витёк! Витенька! Витюшка! Ты же мне друг, а?

– М-м-м, ну друг... а чё?

– У тебя вмазать есть?

– Ну, я взял, а как же, – не стал отпираться Витёк. – Маленько. Праздник же, – кивнул он вправо за палатку, где, не обращая ни на что внимания, его супруга яростно вытаскивала на лёд зубарей. С полстотни рыббин уже застыли в морозном оцепенении возле её лунок, а несколько только что пойманных

прыгали на льду, не понимая, откуда взялся такой яркий свет и почему не получается дышать...

Серёга восторженно пожал Витьку руку:

– Капнешь Косте? Он вообще первую поймал в этом году.

– Не жалею на святое дело! – воскликнул Тимур.

Витёк приложил палец к губам и опять кивнул в сторону Ульяны. Он освободил свои огромные сани от верёвочной сетки, не позволявшей рыбацкому бараклу вываливаться на торосистых участках, и переместил в палатку рюкзак. Достал было «полторашку» без наклейки – и мгновенно спрятал обратно. Порывшись ещё, выставил на всеобщее обозрение другую, из-под лимонада «Буратино». Треть объёма в ней уже занимал воздух.

Друзья старательно делали вид, что не замечают его манипуляций.

Витёк, держа бутылку, как младенца, на согнутом локте, подошёл к Косте, поздоровался за руку. Потом с минуту, уважительно хмыкая, разглядывал и щупал ткань его фирменного чёрно-оранжевого костюма. Наконец, отвинтил пробку и бережно накапал в подставленную Игнатовым крышку от термоса пару глотков самогона.

– Это ты, значит, из Москвы половить на один день прилетел?

– Сам в шоке! – подтвердил Костя.

– Это ж сколько на эти деньги зубаря можно купить?! – задумался Витёк.

– Только там у вас такого свежака сто процентов нету...

Он уже запрокинул бутылку, намереваясь глотнуть, но Серёга схватил его за руку:

– Не пей!

– Что, моя идёт? – Витёк инстинктивно спрятал бутылку за пазуху.

– Не, – успокоил Серёга. – Ты чё, традицию забыл? Надо же Косте «Ура!» крикнуть. Троекратно. За его первую!

Костя высоко, по-гусарски, задрал локоть и одним глотком опустошил свой сосуд. В эту секунду товарищи крикнули ему «Ура! Ура! Ура-а-а-а!!!», правда, старался лишь Серёга, остальные флонили. Витёк глотнул из

горлышка и, секунду поколебавшись, предложил налить всем мужикам. Волгин первым протянул аккуратную фарфоровую рюмочку с иероглифом, извлечённую из внутреннего кармана. Остальные, не выпендриваясь, подставили крышки от термосов.

Все тихонько чокнулись и выпили одновременно, как по команде.

– Ух, хорошо! – причмокнул Серёга.

– А крепкий, похлеще виски! – просипел Костя.

– Брррр... – помотал головой Волгин:

– Спасибо, друг! – приобнял Витька Игнатов. – А я вот разленился самогон ставить, возни много. Настойку делаю на кедровых орешках. Берёшь, значит, литр спирта и наполовину разбавляешь водой, главное – надо очень тщательно...

– Ты бы, чем рассказывать пятый раз, лучше бы попробовать угостил, – прервал его Витёк.

Игнатов виновато развёл руками.

– Ну ладно, хорошего понемножку, – бодро сказал Серёга. – Давайте по лункам, пока ловится.

Все принялись сосредоточенно рыбачить. Корюшка клевала жадно, часто в полводы, не давая грузу упасть на дно.

Витёк, глядя на успехи товарищей, сделал ещё глоток самогона, спрятал «полторашку» поглубже в рюкзак, вытащил удочку и обречённо отправился к Ульяне.

– Припёрся, жопастый? – сурово встретила его жена. – За чекушкой в Охотск ездил, что ли? Гляди, сколько я надербанила! Лови давай, пока прёт.

– Дык вы бы ещё дальше умотали! Из последней кучи, где сидят, увидел только. Ульяночка, я это... в палатку пойду, ладно? А то распарился, а на льду колотун.

– Это с похмелюги у тебя колотун! Ладно, вали, только пробей мне пару дырок вон там, ближе к намёту.

Солнце, поднявшись к зениту, внезапно спряталось и лишь изредка сквозь просветы сизых туч с любопытством поглядывало на огромное поле льда с разбросанными по нему чёрными кучками людей и разноцветными пятнами палаток.

Дальше всех от берега стоял большущий оранжевый параллелепипед, а рядом непрерывно двигались две очень резвые точки – Серёга и Ульяна. Они трудились уже два часа: вытаскивали из моря и складывали в вёдра красавцев-зубарей, а скользких извивающихся наваг небрежно швыряли подальше от лунок. Потом, когда утрамбуют в санках главную добычу, закинут на свободное место какое-то количество и этих желтопузых, предварительно отрезав их туповатые пучеглазые головы.

Место они выбрали козырное: косяк корюшки-зубатки внизу стоял плотный, никуда не уходил, кормился активно, хватая сходу и планктон, и похожие на него крючки с «химией».

«По две сотни уже точно взяли», – подумал Серёга, пересыпая из ведра в плотный полиэтиленовый вкладыш очередную партию схваченных морозом зубарей. Заметил, что руки – в налипшей чешуе и местами в кровавых подтёках. Он не признавал на рыбалке перчатки, в них часто застревали крючки – пока отцепишь, уходит драгоценное время клёва. Заледеневшие пальцы грел в кармане или за пазухой, пока груз после очередной удачной подсечки опускался на дно.

Ульяна недавно ему показала, какое ноу-хау придумала себе от мороза: в меховых прорезиненных перчатках слегка подрезала большой и указательный напальчники – так, что они легко откидывались и можно было снимать рыбу кончиками пальцев. Приноровиться надо, конечно, зато теплее! А в самый сильный мороз она ещё и химические грелки запихивала в перчатки и сапоги, уверяла, что часа три они отлично «работают».

От этих мыслей Серёгу отвлекла позёмка. Пока слабая, но всё чаще прилетали мощные заряды, словно ветер хотел разведать, где можно разогнаться по-настоящему. Серёге пришлось бурить ещё одну лунку – правее, чтобы можно было сесть к ветру спиной.

Из палатки доносились оживлённые возгласы. «Значит у мужиков тоже отлично ловится», – решил он.

Но рыбаки, прятавшиеся за оранжевыми стенами, вытащили на четверых в несколько раз меньше, чем Серёга с Ульяной. Нет, клевало в палатке ничуть не хуже, чем на воздухе. Просто напиток, оказавшийся в «полторашке», имел странное свойство убеждать, что главное в рыбалке – не количество рыбы, а счастье дружеского общения.

Игнатов, Костя и Волгин ещё успели до прихода Витька выхватить по полусотне хвостов, а тот безнадежно отстал – возле его лунки лежали штук десять среднего размера зубариков да пяток наваг. Он разделся до футболки, беспрерывно курил и балагурил, то и дело предлагая всем чокнуться волшебным напитком. Друзья охотно соглашались. У Кости стало хуже с дикцией, у Игнатова – с координацией. Только Волгин в своей защитной бороде выглядел непроницаемо трезвым.

– Мужики, вы вот ва-а-а-ще не понимаете, какие вы везунчики, ну не понимаете и всё, – горячо убеждал товарищей Костя. – Если бы я был президент, то взял бы и приказал: переносим Москву сюда! Прямо вот сюда, на залив. То есть, нет, нафиг Москву, пускай на месте стоит, а надо сделать тут... как это... ад-ми-ни-стра-тив-ную столицу. Прикинь, какой шикардос будет! небоскрёбы, как в Нью-Йорке или в этом, ну... Конгонке, тьфу, Гонконге... И прямо вон там, на берегу, наш офис газпромовский, центральный! Чтобы моё окно прямо в море смотрело. И я такой, раз – с работы вышел, а у меня тут персональный снегоход, или нет – лучше вертолёт под парами! Раздва – иловишь свежую рыбку на ужин! Во, точно, – спохватился он, – а жарить не пора уже?

– Утопия! – отрезал Волгин. – Хотя красиво...

– Костя, а можно твою сигаретку ментоловую? – попросил Игнатов.

Он закурил, с наслаждением пустил струйку ароматного дыма и продолжил задумчиво:

– Дорого такая стройка встанет... Лучше эти деньги пенсионерам раздать. Ого, у меня, кажись, сразу штуки три сели! Уф, тяжело как идёт! – он вытащил средненьких размеров рыбку. – Не понял... Где другие? Сорвались, гады?!

– Да ты её за хвост зацепил, как браконьер, не видишь разве? – объяснил Волгин. – Вот она и сопротивлялась всеми фибрами.

Игнатов поднёс трепыхающегося зубаря к лицу, пристально осмотрел его со всех сторон, даже в зубастый рот заглянул.

– Где у тебя тут фибры? Может, тут? Или там? Антон, фибры внутри или как? Может, покажешь, какие они? Ты же у нас капец какой умный!

– Тебе в таком состоянии нет смысла объяснять.

– В каком ещё «таком» состоянии? – Тимур хотел привстать со стульчика и повалился на бок.

– Вот именно в таком! – отрезал Волгин. – Ты назавтра всё равно ничего не помнишь!

– Потихе, горячие финские парни, – почти трезвым голосом сказал Витёк, с испугом глянув в окошко палатки на Ульяну. Он достал из рюкзака волшебный сосуд, где божественного напитка осталось всего на полпальца, и отвинтил крышку. – Давайте по крайней, мужики, и айда план делать.

– А это что – уже всё? – кивнул Костя на бутылку.

– Ясен пень! А вы чего пустые приехали?

– Это Серёга попутал! – убеждённо сказал Игнатов. – А Волгин вообще не берёт, типа он за трезвость, зато первый с рюмкой на шару!

– А кто вас водкой из Китая угощал? Забыл? – вскочил Волгин.

Тимур презрительно скривился. А Костя ещё раз посмотрел на бутылку, потом в окошко на подвижный силуэт Ульяны, и встал во весь рост:

– Эх, господа мужчины, и вам не стыдно?! Единственной женщине-рыбачке в нашем коллективе никто не предложил даже единственной рюмочки! В женский, так его, день! Мне лично – очень стыдно. Я ей свою порцию отдам!

Он быстро налил из термоса немного чая в чашку, выплеснул туда свою порцию самогона и стремительно шагнул из палатки. Витёк сделал протестующий жест, но было поздно.

– Ульяночка, отдохните уже рыбачить! – позвал Костя. – Вас ждёт бокал глинтвейна в честь восьмого марта.

Ульяна как будто давно ждала этого – воткнула удочку в снег и направилась к мужикам.

– Капец! – прошипел Витёк вернувшемуся Косте. – Теперь нашу машину сам поведёшь!

Ульяна прошла в самый центр палатки, хмыкнула, разглядев жалкие кучки рыбы. Когда до неё дошло, что возле лунки, в которую опущена удочка мужа, почти ничего нет, она выхватила у Витька сигарету и швырнула на лёд, рядом с его уловом:

– И это – всё?!!! Ты чё ва-аще тут делал?!!!

Витёк промычал что-то невнятное и хотел отстраниться, но она схватила его за футболку. Глянула на мужа в упор, принялась:

– Так, кто моего мужика напоил? – повернулась она к друзьям. – Я, как хотите, за руль не сяду, я вечером в темноте слепая курица.

– Можно заночевать в машине, – нашёлся Игнатов. – Как прошлой зимой, помнишь? Утром ехать зато не надо. Встал и опять лови.

– А на работу завтра ты за него пойдёшь? – отмахнулась Ульяна. И внезапно заголосила, как деревенская баба: – Всё мало тебе в горло, скотина ты эдакая, всё мало! Ты ж обещал рулить назад!

Костя, пытаясь загладить свою вину в назревающем семейном скандале, встал перед Ульяной, отгородив её от мужа:

– Не сердитесь, пожалуйста, Ульяночка! Он немножко совсем, отметил капельку ваш праздник! Он не хотел, это мы его уломали. И очень просил, чтобы вам оставили!

С этими словами он встал на одно колено и рыцарским жестом протянул ей чашку с «глинтвейном».

– Подтверждаю! – кивнул Тимур.

– Примите наши поздравления! – любезно сказал Волгин. – Желаем всегда удачной рыбалки!

– Ой, что-то не верится! Ой, складно поёте, – покачала головой рыбачка и решительно глотнула восьмимартовское угощение. Глаза её округлились, она разинула рот, судорожно глотая воздух и отмахиваясь от закуски, которую протягивал Костя. – Ё-ё-ёёёёрш-твою едрить, да через пятое колено!!! Ого себе глинтвейн! Да в ём же... Точно!

Ульяна развернулась и со всего размаха врезала острым кулачком прямо в нос мужу. Витёк не успел увернуться, лишь трусливо прикрыл лицо локтем, ожидая продолжения экзекуции.

– Ты где его прятал, сволочь?! Думал, я твою сивуху не узнаю? Да мне пробку понюхать хватит! Ну, давай – наливай тогда ещё. А тебе – во! – она помахала перед лицом мужа кукишем. – Сегодня я точно не рулю! Мой праздник!!!

– Так нету больше, Ульяшенька! – опустил голову Витёк. – Я маленько брал, кончилась...

Тут в палатку зашёл Серёга, весь в пушистом снегу, и быстро застегнул за собой полог.

– Чё-то замечать стало не по прогнозу, – поёжился он. – Пересижу пока с вами. Заодно отжарюсь.

– Ура! – обрадовался Костя. – Давай скорей, а то у меня слюна скоро высохнет.

– Только отжарщик рыбу не чистит, – сказал Серёга.

– И я не буду, – зевнул Тимур. – Пусть Волгин!

– Вот ещё новости! – вспыхнул тот. – Разве моя очередь?

– А когда я в прошлый раз чистил, кто трындел, будто я желчь не убрал, и типа горчило? – спросил его Игнатов. – Вот и покажи класс! А что, – повернулся он к друзьям, – он же у нас сильно учёный, вот пусть и чистит по науке...

– Какая там наука особая! – изумилась Ульяна. – Чик-чирик – и на сковородку. Мой, пока разденется с рыбалки, так у меня рыба уже пожарена. Нож кто даст? Тимурка, кидай сюда наважку, она слаще зубаря. Да не жопься, нас же вона сколько!

– Мне навага жареная тоже больше, чем корюшка, нравится, – согласился Серёга.

– Вспомни, сколько раз ты это говорил? – улыбнулся в бороду Волгин.
– Когда зубарь не ловится...

– Сегодня наоборот – наваги мало. Так что ты не прав, Антон.

– Братцы, кончай спорить, – обнял друзей за плечи Костя. – День такой суперский! Ульяна, я как столичный джен-тель-мен не могу вам позволить восьмого марта чистить рыбу. Давайте ножик, я всё сделаю. А доска разделочная есть?

– А как же! – Ульяна расчистила сапогом от снега полоску льда. – Тебе пошире или такая сойдёт?

Костя с энтузиазмом принялся чистить рыбу. Ульяна помаялась минуту без дела и схватила его удочку. Но клёва уже не было. Игнатов и Волгин, посидев над лунками несколько минут, бросили это пустое занятие и вышли наружу – «сбавить давление», по интеллигентному объяснению Антона. Витёк мирно дремал, прислонясь к стенке палатки.

Серёга разложил газовую плитку, водрузил на стульчик, пощёлкал тумблером – работает. Вынул сковородку, бережно снял с ручки подарочный бантик и, не развязывая, спрятал во внутренний карман.

– Смотри, Ульяна, – похвастался он, – подарок моей Маринке, вчера купил. Надо хоть снегом её протереть, что ли...

Ульяна одобрительно кивнула. Серёга накидал снега в сковородку, поелозил им по дну, затем плеснул воды из лунки. Зажёг газ, налил масла из маленькой бутылочки, взял порезанную на куски рыбу, бросил в пластиковый контейнер с мукой и специями, закрыл крышку и несколько раз сильно встряхнул. Рыба внутри равномерно покрылась мукой.

Он аккуратно выложил куски на сковородку, придвинул один к другому вилкой. Через минуту по палатке поплыл дразнящий, ни с чем не сравнимый запах. На него немедленно явились успешно сбавившие давление Волгин и Игнатов. За ними ворвалась стая снежинок. У входа приятели остановились, отряхнули друг другу спины.

– А что, суперская сковородка, – приговаривал Серёга, переворачивая подрумянившиеся куски. – И чего Маринке не понравилась? Смотри, Тимурка, совсем не пригорает, не то, что на твоей. Её давно на помойку пора, она тебе, наверно, от бабушки в наследство досталась? Короче, эту теперь брать будем.

– Я сейчас язык проглочу! И губы тоже! – пожаловался Костя, втягивая плывущий от сковородки аромат. – Серёга, имей совесть, дай попробовать!

Отжарщик милостиво протянул ему на вилке дымящийся кусок наваги. Костя куснул, обжёгся, уронил рыбу, но тут же поднял, подул пару раз и сунул в рот.

– О-о-ммм! Умм-ммм! А-а-ммм! – зачмокал он, как младенец, закрыв глаза и покачиваясь из стороны в сторону. – Полный кайф!!! Как же это вкусно! Нет слов! Серёга, – обратился он к другу умоляющим тоном, – а можно ещё?

– Да уж потерпи, – ласково сказала Ульяна, – сейчас на тарелки выложим. Эй, граждане, ложи на стол, кто чем богат. Ты что, жареной рыбы никогда не ел?

– Сто раз он ел, – улыбнулся Серёга. – Сам и приучил нас отжариваться, мы раньше ленились... Это ж сковородку таскать, плитку, масло, муку! Баллон замерзает, подмышкой греешь его вечно. Геморрой, короче.

– И отжарщику обидно, да? – поддержала Ульяна. – Все ловят, а ты им жрать готовишь!

– Ну, тоже верно... Зато какой запах, а?! Как-то без этого уже и рыбалка – не рыбалка, скажите, мужики?

Игнатов и Волгин дружно закивали. Все стали усаживаться вокруг импровизированного «стола». На перевернутые санки с плоским дном поставили одноразовые тарелки, Ульяна с видом радушной хозяйки выкладывала в них из контейнеров и пакетов бутерброды, яйца, картошку, пирожки, солёные огурцы и тонко нарезанное сало – обязательное блюдо на зимней рыбалке.

– Везунчики же вы, мужики! – облизывая пальцы, приговаривал Костя. – Такую вкуснятину хоть каждый день можете трескать, а кто-то ни разу в жизни не пробовал.

– Истину глаголешь! – подтвердил Волгин.

– Только ты вечно передержишь рыбу до корки, – упрекнул его Тимур, – а потом изжога и идти назад тяжело.

– Это от спирта твоего у тебя изжога! Особенно когда ты со сгущёнкой его намешал, а нам втюхивал за ликёр «Молоко любимой женщины».

– О, кстати... – хлопнул себя по голове Костя. – Мужики, надо что-то делать!

– В смысле? – не понял Серёга.

– В прямом: неужели мы за такой шикарный стол без выпивки сядем! Так и будем просто жрать – как собаки?!

Он выразительно кивнул в сторону Витька, который так и не вылез из своего угла, продолжая делать вид, что дремлет. Услышав про выпивку, он неосторожно открыл один глаз и тут же закрыл. Ненатурально всхрипнул и повернулся к компании боком.

– Да ну... – протянула Ульяна недоверчиво. – Вы ж у него всё вылакали.

– Предлагаю в магазин послать того, кто меньше всех поймал, – нарочито громко и серьёзно сказал Игнатов.

– А что, по-моему, честно, – улыбаясь, поддержал Серёга. – Буранщика если найти, за полчаса слетает легко. Давайте скидываться.

– Не надо, деньги есть, – остановил его Костя. – Эх, я бы за водку сто баксов не пожалел!

Витёк снова приоткрыл один глаз.

– Или даже двести!

Витёк открыл оба глаза и испытующе уставился на Костю.

– А если бы пузырь образовался прямо тут и сейчас, – распалялся тот, – заплатил бы ва-аще полштуки! А то обидно, рыба же стынет.

– А у тебя есть? Покажь! – подскочил Витёк.

Костя достал из бумажника несколько зелёных купюр. Небрежно помахав ими, хотел спрятать, но Витёк стремительно бросился к своему рюкзаку и выхватил из его глубин коричневую «полторашку» без этикетки:

– А за самогон сколько дашь?

– Ох, нифигасе!!! Витенька, это точно ты? – опешила Ульяна.

– А чё?

– Да ничё... Это ж какая у тебя, блин-компот, сила воли! Прямо пленный партизан! Павлик Морозов!

– При чём тут Павлик Морозов? – недоуменно спросил Волгин.

– Ладно, давайте уже за стол, – потирая руки, пригласил Серёга. – А то если разогревать, вкус уже не тот.

– Золотые слова! Наконец-то! – воскликнул Костя. – Эх, мужики, как я счастлив! Ни за какие деньги это не купишь!

Он протянул «пленному партизану» две купюры. Одну ловким движением выхватила Ульяна, но вторую Витёк успел сунуть под шапку, а потом незаметно перепрятал в тайный карман за подкладкой куртки.

Игнатов бережно разлил по сосудам самогон и торжественно встал:

– Ну, что, по традиции: за отжарщика!

Все дружно чокнулись, выпили и набросились на жареную рыбу. В три минуты под одобрительное причмокивание сковорода опустела, а Серёга

выслушал кучу восторженных комплиментов. Он чувствовал себя если не женихом на свадьбе, то уж точно именинником. День сегодня удался! Разгорячённые радостные лица друзей, полтора ведра отборной корюшки, а ведь ещё полдня впереди, и вечерний клёв бывает лучше утреннего, так что вполне можно поймать не меньше.

«Одно ведро сдать на берегу перекупщикам, – прикидывал Серёга, – взять домой вина и всяких вкусняшек – отметить с Маринкой и Сонечкой их праздник, а два ведра посолить и завтра повесить на сушку».

Он подал знак Игнатову, тот быстро налил всем по второй. Потом, уже без напоминаний, по третьей.

В палатке стало весело и шумно, все заговорили наперебой, плохо слушая друг друга. Посреди этого гомона Серёга вдруг различил далёкое тревожное завывание.

– Тихо! – он встал со стульчика, прислонил ухо к окошку. – Не слышите? Вроде с берега гудит? По ходу, эмчээсники сирену включили...

– В ушах у тебя гундит! – ответила Ульяна пьяненьким голосом. – Это ветер.

– Я тоже не слышу, – пожал плечами Игнатов.

– Ты не показатель, – поддел его Волгин. – Уши последний раз в каком году мыл?

– Когда ты бороду расчёсывал! Хоть бы новую подколку придумал, мы так в первом классе шутили.

– Братцы, хорош вам, ну-ка, хряпните мировую! – предложил Костя, наливая им очередную порцию. – Серёга, а слабо ещё одну сковородку сделать? Я почищу. А хотите, ту песню дослушаем?

Он ткнул пару раз в смартфон, оттуда вырвалась знакомая заводная мелодия:

Лёд искрит и весь пестрит палатками.

Их колышет свежим ветерком.

Стали рыбки жареными, сладкими.

Тянет из палаточек дымком.
Перекур мы сделаем в рыбалочке,
Встанем, разомнёмся, отдохнём.
Опрокинем с вами мы по чарочке,
Опрокинем и ещё нальём!

А над лунками парок!
Ловит корюшку Юрок!
И таскает почем зря
Малоротку, зубаря.
Огуречик-огурец!
Ловит корюшку Юрец,
Ловит рыбку в две руки,
Это счастье, мужики!

Пока бархатный баритон исполнял песню, Костя почистил навагу. Серёга загрузил её на сковородку, но прежнего эффекта от запаха уже, конечно, не было. Все хаотично выпивали и закусывали, градус веселья становился всё жарче.

Гнусавый вой сирены, долетавший с далекого берега, отскакивал от оранжевых стен. Они так дрожали изнутри от хохота и громких голосов, что не пропустили даже похожий на выстрел пушки звук лопающегося ледового припая, который всполошил стаю чаек и спугнул пару невозмутимых орланов, сидевших на ближних торосах.

12

Если бы солнце могло выглянуть из-за туч, оно бы увидело, как на белой простыне залива возникла чёрная ломаная линия, словно гигантский краб поднялся со дна и испарывает лёд мощной клешней. Где-то края припая ненадолго сближались, с хрустом кроша оторвавшиеся ледяные осколки, но

потом снова расходились, выпуская на волю свинцовое подвижное тело воды. Отжимной ветер гнал отрезанное гигантским крабом поле льда в открытое море, строго на восток.

В нескольких местах вдоль расходящейся трещины сустились тёмные фигурки рыбаков. Кто-то лихорадочно собирал палатку, кто-то сматывал удочки, кто-то кидал в мешок рыбу со льда. Самые расторопные неслись галопом в сторону берега, подбегали к трещине в узких местах, перепрыгивали и дальше уже двигались спокойнее, рысью или шагом. Снегоходы, рыча и выбрасывая мокрый снег из-под гусениц, с разгона перелетали мрачную полосу воды. Пассажиры в санях отворачивались от брызг и матерились, а через борта прицепленных к саням пластиковых корзин перехлёстывала солёная вода, заливая рюкзаки, вёдра, складные стульчики и вкладыши, набитые рыбой. Отчаянные буранщики, высадив рыбаков, разворачивались и мчались назад, сажали в сани новую партию и повторяли этот рискованный трюк, пока трещина не разошлась метров на десять.

Вскоре, повинуясь стадному инстинкту, на треугольном выступе отколовшегося припая столпились сотни полторы самых нерасторопных рыбаков. Одни курсировали вправо-влево вдоль воды, надеясь найти участок, где лёд смыкается, другие растерянно топтались на месте. Вдруг кто-то запустил в небо фальшфейер – и вместе с ним как будто включил панику.

Молодая пухлая женщина в зелёном комбинезоне дико закричала и, упав на лёд, забилась в истерике. Её пытались уговорить и поднять на ноги двое пузатых мужиков, но она бешено отбивалась, а одному так врезала ногой в живот, что он едва не упал в воду.

Высокий рыжий парень без шапки вдруг скинул рюкзак, разбежался и прыгнул, оттолкнувшись от самого края трещины. Он не долетел пару метров, вынырнул, замотал головой, пуча глаза, отчаянно замолотил руками. Рыбаки на прочной стороне припая были рядом, но от неожиданности застыли, как в ступоре. Только один не растерялся, подбежал, протянул ледобур, заорал «Эй, держи!!!». Парень заметил, каким-то немыслимым рывком дотянулся,

схватился за круглую пластмассовую крышку, закрывающую ножи, сорвал её, ещё раз рванулся и уцепился прямо за ножи. Двое мужиков уже стояли наготове, вытянули его за воротник. Лёд сразу покраснел от крови. Парня окружили, усадили на сани, кто-то стягивал с него сапоги, кто-то обматывал порезанную руку шарфом, кто-то подносил ко рту стакан водки... Вскоре подъехал снегоход, дрожащего бедолагу закутали в чью-то длинную меховую куртку и помчали на берег.

Румяный пацан лет семи дёргал и дёргал отца за рукав: «Папка, нас же теперь покатают на вертолёте? Папка, ну покатают же, а?!». Поддатый отец отвесил ему подзатыльник, сын обиженно захныкал... «Не реви, малой, скоро покатают», – потрепал его по шапке худой дед, обросший редкими кустиками щетины, и сунул ему в руку конфету. От того, что его пожалели, пацан заревел в полный голос. Жалобные звуки взбудоражили толпу ещё сильнее. Все заволновались, задвигались, стали кричать людям через трещину, чтобы те скорее бежали на берег к базе МЧС, звали спасателей.

Паника утихла, как и началась – внезапно. Один из рыбаков достал удочку, опустил снасть прямо в трещину и стал вытаскивать зубарей – отборных, один к одному! Азарт, наверное, всё же сильнее страха, потому что половина мужиков тут же последовали его примеру. Кучки рыбы быстро превращались в сугробики, леска обмерзала на ветру, который хлестал снежной крупкой в раскрасневшиеся лица, и увернуться от него не было никакой возможности.

Мужики, выстроившись вдоль края льдины, как заведенные, выхватывали из грозящего гибелью моря серебристых рыбин. И даже не очень обрадовались, когда для них организовали переправу двое спортивного вида парней, явившихся неизвестно откуда на новеньком японском снегоходе.

Парни придумали простой и гениальный способ перебраться через широкую полосу воды: прицепили к длинной веревке огромную пластиковую корзину для перевозки груза и толкнули вперёд, как лодку-плоскодонку – садись, не бойсь, поехали на берег!

– Она разве человека удержит? – пискнула полная пожилая тётка в шерстяном платке, завязанном крест-накрест.

– Тебя вряд ли, а Кольку моего легко! – отодвинул её плечом отец пацана, мечтавшего покататься на вертолёте.

Мальчишку быстро перетасили на безопасную сторону. Парни действовали как профессиональные спасатели, тянули верёвку мощно и плавно, так что ни одна волна не перехлестнула через высокие борта. Увидев, что всё прошло благополучно, у края трещины выстроились в очередь несколько женщин. Мужики расступились и стали их усаживать по одной – под визг и шутки о лишнем весе. Последней чуть не силой загнали в посудину истеричную молодуху, ещё всхлипывавшую после припадка. Она вцепилась в борта мертвой хваткой и долго не могла разжать пальцы. Потом бросилась целовать своих спасителей.

Рыбаки терпеливо ждали своей очереди, страх почти улетучился, кто-то уже шутил, кричал находчивым парням: «Почём билет на пароход?». Тему тут же подхватили: «А рыбой возьмёте?». – «Возьмём по весу: кило зубарей за кило рыбака!», – крикнул один из парней, и все дружно загоготали.

Не обошлось и без потерь. Крепко поддатый толстый дядька так раскачал посудину, что с неё свалился рюкзак и начал медленно тонуть, пуская мелкие пузыри. «Что смотришь, ныряй за ним!» – кричали дядьке, а тот мотал головой вправо-влево, не соображая, что случилось. Когда уже на льду ему объяснили, облегченно махнул рукой: «Да и хрен бы с ним! Легче назад пойду».

Вскоре за трещиной никого не осталось. Снежные таксисты увезли тех, кто готов был платить, остальные потащились пешком. Ближе к берегу постепенно образовались новые компании рыбаков – они потихоньку потягивали навагу, которую утром материли и бросали на льду... С высокой вышки за воротами базы МЧС все ещё взвизгивала дурным голосом сирена, а с берега вздымались в небо разноцветные химические дымы. Этот сигнал опасности на острове стали применять недавно, но рыбаки уже успели

обозвать его «костёр для педиков», правда, иногда выражались и мягче – «праздник ЛГБТ».

Оранжевый шлейф дыма пытался догнать оранжевую палатку, но ветер истончал его и рассеивал на полпути.

13

Было время, когда сахалинские рыбаки, чтобы хоть как-то укрыться от непогоды, мастерили прозрачные конусы из плотного полиэтилена – огромные, в два человеческих роста. Края плавили утюгом через газету, а для прочности прихватывали нитками. Закинешь такой конус на голову, прижмёшь снизу ведром, усядешься спиной к ветру – хорошо, почти не дует!

Серёга вспомнил, как сам в молодости сшил такое укрытие. Правда, его хватило едва на месяц: разорвало по шву и утащило в море.

«Ничего, у Костиного дворца швы надёжные и колышки в лёд глубоко вкручены, выдержат», – успокаивал себя Серёга, слушая, как порывы ветра швыряют на оранжевые стенки пригоршни снега и треплют приоткрытую форточку на липучках.

Внутри было уютно и очень душно, воздух состоял из густого настоя жареной рыбы, табачного дыма, чеснока, которым семейная пара рыбаков перекладывала сало собственного приготовления, и убойного запаха сивушных масел. Четверо из компании прикорнули в разных позах. Витёк сидел на пустом ведре, уткнувшись лицом в колени. Ульяна свернулась калачиком в семейных санях-волокушах. Игнатов вытянулся на расстеленном рюкзаке. А Костя просто упал на лёд, повернулся на бок и сопел, подложив кулак под голову.

Серёга и Волгин, едва заметно покачиваясь, сидели друг напротив друга. Между ними на перевёрнутых санях стояла почти пустая «полторашка» и остатки шикарной трапезы.

Оба задумчиво молчали.

– И все-таки ты обязан сформулировать: в чём для тебя смысл рыбалки?

– востепенулся вдруг Волгин. – Только, пожалуйста, без банальностей! Не надо про возможность вырваться из домашней суеты, от городских унылых стен, бензиновой вони. И не ври про повод побухать! Ты сформулируй внутренний смысл, самый глубокий, понимаешь?

– Это как? – лениво спросил Серёга.

– Ну вот наши предки, первобытные, они тоже добывали рыбу, это научный факт. И у них был единственный смысл – хотелось жрать. Им не надо было ничего выдумывать. Тогда не было городов, бензина, водку ещё не изобрели...

– Но бабы их сто процентов доставали! «Дорогой, когда мы уже поменяем шкуры на входе в нашу пещеру?».

– Не съезжай с темы! – начал горячиться Волгин. – Я вот для себя давно сформулировал.

– Ну?

– Я, когда рыбачу, как бы ставлю эксперимент. С непредсказуемым результатом, понимаешь? Новые условия каждый раз: погода там, фаза Луны, высота прилива... У меня статистики уже – вагон, я все наши уловы записываю! Могу открыть тетрадь и сказать, сколько чего ты или Тимур поймали, допустим, семь лет назад. В конкретный день марта.

– Прикольно, – заинтересовался Серёга. – А дальше что?

– Когда данных соберу достаточно, придумаю, как обработать. И буду знать, в каком месте и в какое время выше процент удачи, – Волгин сложил руки на груди, как будто выступал перед ученым советом.

– Ладно, я тоже попробую объяснить сейчас... – потянулся Серёга. – Слушай, а может ещё по одной хряпнем? Мозги в кучку собрать.

Волгин налил Серёге и себе, глянул на часы:

– Ого, без четверти четыре. Может, тебе хватит? Не успеет выветриться, а скоро и назад.

Серёга отмахнулся и выпил. Кинул в рот кусочек сала, откусил хлеб, потом набрал из угла пригоршню размякшего снега и растёр лицо.

– Я, наверное, только здесь мужиком себя чувствую, – серьёзно начал он. – Хозяин сам себе. Только тут – свобода, как это говорят – с большой буквы. Хочу – метнусь далеко за торосы, хочу – возле берега сяду. Или вообще брошу ловить, даже когда все вокруг машут. А я себе чайку налью и буду орланов рыбкой подкармливать. И ни одна падла мне ничего не прикажет!!! – Серёга вдруг схватил со стола алюминиевую вилку и согнул пополам. – Потому что я мужик, а не конь педальный!!! И это моя жизнь и моя добыча!!!

Волгин протёр очки и цепко посмотрел на друга, как будто пытался разглядеть в нём что-то совершенно незнакомое и неожиданное. Выщедил себе в рюмку последние капли из бутылки и проглотил, не закусывая.

– А может, самое главное – это мой риск! – Серёга вскочил от возбуждения. – Море есть море, даже если прогноз отличный. Сколько мы раз по льдинам прыгали, помнишь?

– Да уж... Мне и первого раза хватило!

– А я тогда, мы на берег уже вышли, и я по грудь мокрый был – помнишь?... Я знаешь, что представил? Будто всё моё время жизни собрано в песочных часах, и если по судьбе, то последние песчинки уже должны вниз упасть... А я одним рывком, когда сумел на льдину выскочить, эти часы – раз! – и будто перевернул, понимаешь? И у меня теперь много-много песчинок впереди. И каждая – день жизни! Я такого восторга даже из детства не помню, веришь?

– Да, представляю, – согласился Волгин и снова глянул на часы. – А давай уже чаю хлебнём да это сонное царство воскрешать будем? Клёва, судя по моей статистике, уже всё равно не дождёмся.

– Давай, только я гляну, что там делается, – кивнул Серёга на сетчатое окошко. – Может, буранщика увижу, махну, чтоб забирал.

Он расстегнул молнию на входе и шагнул в белую муть. Споткнулся о снежный столбик, оказавшийся чьим-то ведром с рыбой, чертыхнулся. Вон

там впереди, по направлению к берегу, должна быть ровная «полянка» посреди торосов, где они с Ульяной соревновались, кто больше зубарей вытащит на гирлянду за один раз. Оттуда была хорошо видна толпа рыбаков, сидевшая примерно в том месте, где их сначала хотел посадить буранщик-пират. Надо идти туда, снегоходы под вечер всегда ждут запоздавших клиентов.

Заслоняя лицо от ветра, Серёга зашагал быстро, как только мог – и чуть не свалился в воду! Отскочил в последний момент, едва удержав равновесие. Постоял, тупо глядя на мелкие волны и чувствуя, как горит голова под шапкой и пот стекает по вискам. Осторожно подошёл к самой кромке, долго вглядывался вперёд, вертел головой по сторонам – всюду была сплошная вода, теряющаяся в снежных завихрениях.

Страшно захотелось курить. Он сунул руку в карман и вспомнил, что оставил сигареты на стульчике. Вернулся к палатке, хотел зайти, но вместо этого обогнул её с другой стороны и взял круто вправо, пока снова не уткнулся в кромку льдины. Он растерянно двинулся вдоль воды, повторяя про себя: «Сонечка, доченька, ты только не плачь, папка обязательно что-нибудь придумает!».

Всё это время Волгин пытался растолкать Игнатова и Костю. Первый пнул его ногой и послал в пешее эротическое путешествие, а московский гость как будто вообще умер – восьмичасовой перелёт, морозный морской воздух и самогон сработали лучше любого снотворного.

Волгин вышел наружу и сразу ослеп – очки залепило снегом. Пока он их протирает краешком шарфа, из-за палатки появился Серёга.

– Слушай, ну и метёт! – закричал ему Антон прямо в ухо. – Нашел буранщика?

– Звонить ему надо, а у меня что-то связь не ловит, – пожаловался Серёга. – У тебя ж вроде другой оператор, давай с твоего?

Волгин вытащил смартфон, долго пытался включить, тряс и переворачивал...

– Чёрт, я ж его сломал! Накаркал Тимурка: примета ему плохая. Слушай, что делать будем?

Серёга молчал, отворачивая лицо. Волгин пристально посмотрел на него – и догадался.

– Мы плывём, что ли? Ты не шути так! Не молчи! – закричал он и схватил Серёгу за воротник куртки. – Ты далеко ходил?! Нас что – правда? Реально оторвало?! Ты же говорил, прогноз терпимый! Чёрт, дёрнуло Костю прилететь, всё из-за него, идиота! Мы же вообще не собирались сегодня! Восьмое марта же, какая рыбалка! Сергей, надо бегом к берегу! Всех быстро растолкаем – и бегом. Или давай вдвоём побежали, эти пусть дрыхнут, мы помощь хоть позовём... Успеем, вот увидишь! Тот раз, помнишь, тоже конца трещине не было! Лёд должен где-то смыкаться, надо только перемычку найти!

– А где берег? – негромко спросил Серёга. – Ты видишь, берег где? Куда идти, знаешь?

– Туда, конечно, – Волгин ткнул перчаткой в снежную муть. – Или нет, туда, – он развернулся, но там муть казалась ещё страшнее. – Эврика! Можно же направление по геолокации определить! Чёрт! Чёрт! Не выйдет, сигнал же не ловится... Думай, Антоша, думай! – Волгин натянул поглубже шапку-ушанку и завертел головой. – Эврика! Надо звонить в службу спасения, она везде доступна, номер ещё такой простой... Вспомнил – «девять-один-один»!

– Это у америкосов, – поправил Серёга. – У нас «сто двенадцать». Только срывается. Я пробовал. По ходу, мы из зоны покрытия вышли. Давно, наверно, относит.

– У Кости телефон крутой, у него поймает! Нам же обязаны помочь, да? Они не имеют права отсиживаться! Я видел в новостях, наш МЧС получил на воздушной подушке судно! По льду летит, по воде – одинаково!

Волгин ворвался в палатку как взбесившийся белый медведь и с яростным рычанием стал тормозить Костю. Тот мычал, отбрыкивался, пускал слюни, но глаза упорно не открывал. Волгин вскочил и пнул его сапогом.

– Просыпайся, идиот! Нас из-за тебя в море уносит!!!

Костя отвернулся и ровно засопел. Серёга, стоявший у входа и наблюдавший эту драматическую сцену, зачерпнул полные пригоршни снега, зашёл внутрь и стал растирать Костино лицо.

– Ай! Ой! Горячо же! Да вы что, обалдели?! – Костя привстал на локтях и мутным взором обвёл товарищей. – Я ночь не спал, имейте совесть...

Он снова улёгся и натянул капюшон на лицо.

– Ну как знаешь, – спокойно сказал Серёга. – Тебя генеральный вызывает.

Костя мгновенно встал на колени и попытался поправить отсутствующий галстук.

– Генеральный?! Сейчас, бегу!

Он помотал головой, медленно осознавая реальность. Ужас в его глазах быстро погас.

– Что, уже вечер? На берег пора? Жалко...

– Дай телефон, скорее! – толкнул его в плечо Волгин. – Ну, где он у тебя?! – он стал нетерпеливо дёргать молнию на одном из многочисленных карманов его куртки.

Обалдевший Костя вытащил из-за пазухи смартфон, Серёга взял его и отошёл, тыча пальцем в экран.

– Ты какого лешего прилетел, а! – продолжал толкать Костю Волгин. – Сидел бы в своей Москве, на твою зарплату там любой рыбы можно купить!

– Чего он? – Костя удивлённо повернулся к Серёге, но тот не отвечал, колдуя над телефоном. После очередного яростного толчка, едва удержавшись

на ногах, Костя перехватил руку Антона, притянул его к себе: – Ты что, перепил, брат?

Волгин вырвал руку и отвернулся.

– Вот же непруха, и этот вне зоны, – Серёга вернул телефон приятелю.

– А мой вообще давно сел, старый, батарея дохлая, – неожиданно подал голос Тимур Игнатов. Он неторопливо встал, потянулся, зевнул шире бегемота. – Вы буранщику звоните, что ли? Тогда я сейчас пешком пойду до берега, рыбы не сильно много, дотащу. Прогуляться охота.

– Вы... вы... вы... придурки! – сверкнул на него очками Волгин. – Вы что – до сих пор не поняли? Мы плывём!!!

– Как? – тупо спросил Костя.

– Ну, слышал, вроде сирена гудела? – объяснил Серёга. – Так это МЧС-ники сигналили, что припай отходит.

– А ты как раз песню включил, про «огуречик-огурец», – напомнил Игнатов. – Мне, кстати, вкатила! Скинешь потом? Ну, как связь будет.

Костя помолчал, недоверчиво глядя на друзей. Губы его побелели.

– Так вы не прикалываетесь, что ли? Мы – на льдине?! И даже без связи? Как так?.. Нам же с Кариночкой утром в Токио лететь! Билет невозвратный... А после отпуска меня повесить обещали... до замдиректора департамента.

Он помотал головой и вдруг с силой схватил Серёгу за грудки, притянул к себе:

– Это ты! Ты какого хрена меня вообще сюда затащил?! Я ж говорил, если будет погода! А теперь что получается: мы тут сдохнем, да? Утонем? Или тупо замёрзнем и умрём?! Умрём, да?!

– Ну ты, попугай московский! – подала голос Ульяна, выбираясь из своей удобной люльки. – Давай-ка потише! И так голова звенит, напоили какой-то байдой... Умрём, умрём... «Боже, мы все умрём!», – произнесла она противным механическим голосом переводчика из фильма. – Прямо как мой Витёк, он тоже одни ужастики смотрит по телеку и прётся.

– Смотрю, и что? – буркнул Витёк из своего угла. – Я ещё про рыбалку люблю канал. А тебе только и надо сериалы твои сопливые. Мужики, там похмелиться осталось?

– Сейчас протрезвеешь. Все протрезвеете! – оскалился Серёга. – Никогда же раньше столько бухла не брали! А тут, как нарочно, ты упала на хвост, – зло посмотрел он на Ульяну.

– Так вы ж меня сами... Восьмое же марта, вы чё, кавалеры! – надулась она. – Я думала, мне сегодня будут рыбу с крючков отцеплять, да от вас разве...

– А можно помолчать?! – взвизгнул Волгин. – Рот закрыть и помолчать просто!

Ульяна изумлённо закрыла рот ладонью.

– Вот так, спасибо... – прошептал Волгин, покачнулся и рухнул бы на лёд, если бы его не поддержал Игнатов.

Все замолчали, и сразу стал слышен бешеный вой ветра. Казалось, что ледяной пол вздымается и опадает, как палуба во время шторма. Серёга обвел взглядом растерянные лица, обращенные к нему.

– В общем, так, мужики: труба дело. Нас оторвало и несёт, а куда идти, не видно. Связь – сами поняли. Честно, я вот не знаю, что делать.

– Ёшкин кот! Ты серьёзно? – покачал головой Тимур. – Дай закурить твою вкусную, а? – попросил он Костю.

Тот протянул ему пачку. Игнатов пустил ароматный дымок, Костя тоже сунул сигарету в губы, но прикурить забыл.

– Вот я вчера как чувствовал, – сокрушённо сказал Игнатов, – не надо мне было с этим буржуем ехать!

– Да пошёл ты! – обиделся Костя.

– Сам иди. Это всё из-за подарка твоего дебильного! Дворец он припёр, надо он нам был? Сидели б на воздухе, давно бы на берег ушли.

– Без палатки вообще-то не отжаришься, – заметил Серёга.

– Жалко, самогон выжрали, – печально произнёс Витёк. – Хотел же три бутылки взять! – он схватился за голову. – Э-эх, а я же их в гараже как клад запрятал! Пропадёт, обидно...

– А я борща наварила бадью полную! – вспомнила Ульяна и набросилась на мужа. – Говорила тебе вечером – на балкон вынеси! А ты – пушай! Настоятся, сын уберёт, позвоним ему со льда. Вечно ты влезешь, когда не просят, вот ведь всю жизнь мою так испоганил! – она села на стульчик и заплакала по-бабьи, с подвывом. – Коленька наш как без отца с мамкой? Ему ж копейки в лесхозе платят, ни образования ему не помогли мы, ни с квартирой...

– Сын же вроде один у вас? – заметил Волгин. – Квартира, значит, ему останется.

– Да? – посветлела лицом Ульяна, утирая слёзы. – Ну, это хорошо.

Все подавленно молчали. Витёк вышел наружу и быстро заскочил назад, застёгивая ширинку.

– Значит, не зря мне опять этот сон приснился! – хлопнул себя по коленкам Игнатов.

– Какой? – заинтересовалась Ульяна.

– Да из детства случай. Как приснится, потом всегда какая-то лажа. В том году с велика упал, руку вывихнул сильно.

– Да про что сон?! – в один голос крикнули Ульяна с Витьком.

– Ну, значит, как мы весной играть на берег прибежали, а там народу куча и милиция, – тоном былинного сказителя начал Тимур. – Мы вперёд пролезли, конечно. Смотрим, с моря прибило льдину здоровую, а на ней мотоцикл с коляской и три чёрных мешка. Пригляделись – а это рыбаки. Мёртвые, конечно. У мотоцикла покрышки сожжены, а у мужиков лиц нет – птицами поклёваны. Страшно до жути, а мы оторваться не можем, всё смотрим! Потом говорили, рыбаков этих от Магадана принесло. Пару тысяч миль дрейфовали.

Ульяна бросилась мужу на грудь. Тот облапил хрупкую фигурку, стал гладить по спине, что-то бурча жене в макушку.

Костя, дослушав Тимура, встал на колени и принялся неумело креститься:

– Господи, помоги! Помоги, Господи! Я не хочу, я хороший, не обижаю никого, за что меня?! Если может лишнего где-то взял, так это для сына, для Никитки... я больше в сто раз отдам, только спаси, Господи!

Игнатов посмотрел на Костю, как на сумасшедшего. Заметил, что у него из кармана выпала сигаретная пачка, поднял и спрятал за пазуху.

– А я поняла! – воскликнула внезапно Ульяна. – Наказание мне это! Я ж рыб поймала мильён, не меньше. Получается, я же убила их! Они дрыгались, бедненькие, жить хотели! А этот жмот, – она ткнула кулаком в мужа, – даже мелочь не даёт отпускать; бери, говорит, пожарим и яйцом зальём, вкуснотища... Так бы я сама малявок этих точно не брала! А сколько завялила и продала, тонну, не меньше... Это мстят они нам, трупки сушёные! Теперь, Витенька, их черёд, завтра рыбы нас с тобой скушают!

– Хватит чушь нести! Никто пока не умирает, – вскочил со стульчика Волгин. – Нас будут искать, непременно! Меня уж во всяком случае. У меня студенты, и с Николай Трофимычем учебное пособие дописать надо, ерунда осталась... Инночка всех на ноги поднимет, до ректора дойдёт, а он обратится в министерство! В правительство! Только бы погода утихла, да? Ты же смотрел в интернете? – повернулся он к Серёге. – Ну, на том самом сайте японском? Твоём самом-самом точном! Они разве прогнозировали такое?

– Честно? Да, – опустил голову Серёга. Волгин бессильно замахнулся на него, но вместо того, чтобы ударить, покрутил пальцем у виска.

– Был там в прогнозе циклон, только к ночи совсем! – горячо оправдывался Серёга. – Я думал, проскочим. Косте же всю зиму обещали, он так ждал.

– Опять я виноват? – вспыхнул Костя. – Вы что из меня козла делаете отпущения? Господи, только помоги! – опять заканючил он. – А я ни в жизнь!

Ни ногой, ни на какую рыбалку!!! Клянусь, на лёд не выйду! Только с берега, карасиков там, подлещиков...

– Не думал, что будет так неохота... ну, туда, – поднял палец вверх Игнатов. – Если бы ещё в бога верил, а то даже представить не могу: что там – чернота, что ли, и всё?! Наверно, как вырубаешься, когда пьяный.

Он вздохнул и тяжело замолчал. Все смотрели на него, и каждый в этот миг думал об этой черноте, которая могла сожрать их совсем скоро...

– Я тебя на сколько лет старше, Антон, на три с половиной? – замогильным голосом продолжал Тимур, обращаясь к Волгину. – Значит, Серёгу и Костю, однокашников неразлучных, на все десять. Мне вроде не так обидно должно быть: пожил, погулял... А обидно, капец!!! Я, если уж правду сказать, мужики, всегда вам завидовал, что вы моложе. Ну, типа, у вас больше кайфа жизненного впереди. Зря, значит, завидовал. Одна цифирька последняя будет у всех на могилках.

Сквозь окошко доносились тоскливые крики чаек, едва различимые сквозь хриплые вздохи ветра.

– Да манал я всё это! – рявкнул вдруг Витёк, рванул молнию на входе и выскочил наружу. Увидев на свежем снегу ещё не полностью замётённую цепочку следов, он добежал по ним до самой воды. Постоял минуту, пытаясь разглядеть впереди хоть что-нибудь, и снова примчался в палатку. Там он повёл себя на редкость решительно: схватил за верёвку свои огромные сани, кинул на плечо онемевшую жену – и потопал сквозь метель непонятно куда. Игнатов и Серёга поспешили за ним.

Витёк остановился у края трещины, толкнул в воду сани-волокуши, придерживая их за верёвку, а Ульяну поставил на ноги. Она потрясенно молчала, ничего не соображая.

– Тебя выдержат они, слышь! – закричал он жене. – Нас с мужиками хрен, а ты гребь потихоньку. Да хоть бы этим, – он вытащил из-за голенища рыбацкую черпалку для льда, напоминающую кухонную шумовку. – Тут может метров сто всего до припая! Ты только не ёрзай, не раскачивай,

тихонечко так двигай. А там сообразишь, куда идти. На берегу машины гудят, слышно.

– Витенька! Родненький мой! – обхватила его Ульяна. – Я если ругаюсь, ты не слушай, я ж любя это... А я точно не потону в них?

– Уже плавала, забыла?

– Так это вы меня на верёвке перетаскивали. Дёрг-дёрг – и на месте! Тогда и хлопцы с рюкзаками катались, и ничё. А Семёныч, помнишь, намок, так он – боров, сто кило! Щас, Витенька, я залезу, только ты меня придержи, я сперва попробую. Ой, а вы как? – спохватилась она. – Я ж одна тама свихнусь!

– Да садись уже, хорош языком молоть! Подмогу зови, как дойдёшь! – рывкнул Витёк, схватил жену под коленки и понёс в сани, плясавшие на мелких волнах.

Путь ему перегородил Серёга, а прямо за спиной быстро присел на корточки Игнатов. Старый дворовый приёмчик сработал: от легкого толчка в грудь Витёк кувыркнулся назад и выпустил Ульяну. Она вскочила на ноги и стала наблюдать за схваткой, подбадривая обе стороны. Пока Витёк, бессильно матюгаясь, пытался скинуть с себя Серёгу и Тимура, Волгин схватил верёвку и потащил волокуши подальше от воды. Заметив это, Ульяна догнала его и вцепилась в борт. Волгин от неожиданности выпустил верёвку, а когда обернулся, Ульяна уже сидела в санях прочно, как клещ.

– А ну, вылезай! – Серёга схватил её за капюшон. – Ты знаешь, сколько плыть? А если там волны?! Черпанёшь бортом – и каюк! В такой воде тебе минуты хватит, чтобы околеть.

Ульяна упиралась и скалила зубы, как хорёк.

– А что делать? Хочешь – тут подыхай, а мне неохота!

– Кончай дуру гнать, – устало попросил Серёга. – Придумаем что-нибудь. Главное, не замёрзнем. И с голоду не помрём, вон сколько надербанили, можно рыбу жарить. Тимур, у тебя всегда в рюкзаке запасной баллон, не выложил случайно?

— Да вроде нет. А что, будем ждать, греться да отжариваться... Антон, твоя вроде очередь?

Волгин кивнул. Ульяна покорно встала и пошла за мужиками в палатку. Витёк отряхнулся и тоже поплёлся было следом, но остановился на полпути и вернулся за плавсредством, забракованным товарищами.

Костя лежал в углу, скрючившись, и что-то шептал — похоже, опять божился никогда-никогда больше не ступать на лёд. Витёк сел на перевёрнутое ведро, Ульяна рухнула к нему на колени. Волгин и Игнатов уселись на стульчики в центре.

Час пролетел в полном молчании. Снаружи быстро темнело. Серёга достал из рюкзака фонарик и повесил под крышей. Желтоватый круг света покачивался от снежных зарядов, то и дело проверявших на прочность оранжевые стены.

15

К полуночи ветер успокоился, снег стал падать мягкими хлопьями, а потом и вовсе исчез. В просветах облаков засверкали звёзды. Высунув голову наружу, Серёга слышал сварливый клёкот орланов, ссорившихся где-то неподалёку из-за брошенной рыбаками наваги. «Надо же, и этим не спится», — удивился он.

В палатке все понуро сидели вокруг сковородки с рыбой. Жарили её напрасно — никто не съел ни кусочка, даже Костя. Фонарик уже едва светил, и страшно было представить, что он погаснет, и бесконечная морозная тьма проглотит их беззащитные тела.

Костя сдвинул с левой руки перчатку и посмотрел на часы.

— Кариночка с ума уже сошла, конечно. Мы бы сейчас такси вызывали в аэропорт...

— Договорились же не нагнетать! — зло сказал Волгин. — Думаешь, моя Инна спокойно почивает?! Или Маринка Серёгина?

– А я бы поспала, – зевнула Ульяна, – так вы ж не даёте. Столько кавалеров, а согреть некому...

– Вернёмся, меня Инна точно убьёт, – перебил её Волгин. – А слово «рыбалка» и вспомнить не позволит.

– А я тебе давно говорю: мужику одному лучше, – усмехнулся Игнатов.

– Бедненький! – Ульяна погладила Волгина по шапке. – Не слушай Тимурку, ему жена когда-то попила кровушки. И не переживай так. Ну, хочешь, я с твоей поговорю, по-простому, по-бабски?

– Добрая ты что-то сегодня...

– А чего нам теперь-то собачиться? Ты прости, что я подначивала тебя... Ты смешной такой, когда злишься. И вы меня простите-извините, ребята, если кому чего плохое по нечаянке сделала!

– Да я сам тоже хорош, – растерянно сказал Волгин. – Ты же дама, тебе простительно. Не держи обиду на меня, ладно?

– Что это вы, как перед расстрелом?! – преувеличенно бодрым голосом спросил Серёга. – Давайте попробуем подремать, а там и утро. Как рассветёт, нас искать начнут. Вертолёт не знаю, а катер точно отправят. Только сигнал бы им какой подать... Тимур, а помнишь, мы раньше фальшфейер с собой таскали? Не у тебя он?

Игнатов пожал плечами и полез в рюкзак.

– Не ищи, – понуро сказал Костя. – Мы его год назад в небо жажнули. За моего первого зубаря в том сезоне.

– Вот молодцы! – похвалила друзей Ульяна.

Все уныло замолчали – и в наступившей тишине вдруг отчётливо слышали, как плещут волны, разбиваясь о край льдины.

– Ну мы придурки! – вскочил Серёга. – Пока тихо, надо палатку подальше от воды переставить. Давайте, вытаскиваем барахло скорее!

Никто не отреагировал на его призыв, только Витёк лениво потянулся и вздохнул:

– Эх, похмелиться бы сейчас... А чай остался у кого?

– Откуда! Снега вон пожуй, полегчает, – посоветовал Игнатов.

– Лучше уж сдохнуть! Только сразу чтоб...

– Ну вот, все в миноре опять! – встрепнулся Волгин. – Да нам повезло, если подумать! Льдину могло просто раскрошить, и мы бы тупо утонули. А она прочная и огромная! Мы так можем неделю жить, легко! Воды у нас пресной, снега то есть, хоть залейся, дом относительно тёплый, а еду – поймаем. Рыбу вполне можно есть мороженую, меня в Якутии угощали строганиной, даже вкусно. И главное: палатка яркая, её спасатели издалека увидят! Надо Косте спасибо сказать, что такую догадался...

Его горячий монолог прервал похожий на выстрел треск. Следом раздался мощный ритмичный стук, как будто две огромные скалы решили выяснить, чей лоб крепче.

Рыбаки испуганно переглянулись. Серёга схватил фонарик и, поманив рукой Игнатова, выбежал из палатки, оставив открытым полог, который опять начал трепать вернувшийся откуда-то ветер. Тимур вышел следом. Они обогнули своё оранжевое убежище, крышу которого украшала пухлая снежная шапка, двинулись в сторону странного звука, уже догадываясь, что случилось, и почти сразу уткнулись в мерцающую полосу воды, которая прямо на их глазах начала исчезать под белой плитой. В следующий миг две льдины столкнулись с тем самым тяжёлым, чмокающим стуком, от дальней откололся треугольный осколок величиной с лодку, а после следующего удара от него на воде осталось лишь белое крошево.

– Мужики, рядом ломает! – заорал Серёга, пятясь назад.

– Дра-па-ем!!! – подхватил Игнатов, разворачиваясь, чтобы бежать.

Возле тёмного холмика палатки жались друг к другу четыре фигуры. Костя бестолково светил телефоном по сторонам.

– Куда бежим? – спросил он, разглядев Серёгу.

– Ну ты и дебил! – истерично завопил Волгин. – Понятно же, надо в центр льдины!

– Кидай барахло в сани! – приказала Ульяна мужу.

– А палатку? Снимаем? – спросил Игнатов Серёгу.

– Да нас кинет с ней в воду, ты что! Это ж как парус! Потом, если стихнет.

Через минуту товарищи по несчастью, нагруженные барахлом, двигались цепочкой, старались не отстать от Серёги, который шёл впереди, сам не зная куда – по наитию. Фонарик светил максимум на метр, но глаза уже привыкли к темноте, и Серёга различал контуры торосов и отворачивал от них подальше, вспомнив, что именно там – стыки льда, а значит, по ним скорее всего и пойдут новые разломы.

Вдруг он резко затормозил.

– Стойте тут, я быстро! – крикнул он друзьям и заторопился назад по кривой тропинке, оставленной шестью парами подошв и гружёными санками. Забежав в палатку, долго светил фонариком, пока не обнаружил в дальнем углу опрокинутую сковородку.

– Блин, подарок же! – Серёга смахнул с неё остатки наваги, протёр дно снегом и заторопился обратно, где ждали его пятеро товарищей на морозном ветру под невероятно огромным небом с равнодушными глазами звёзд.

16

Сонечка с утра убежала в школу, всё в той же выцветшей курточке, спрятав в портфель «рафаэлку», сэкономленную для лучшей подружки. Вчера вечером Марина сидела с дочкой на кухне, ужинали осточертевшей уже навагой с толчёной картошкой, и Сонечка всё поглядывала на папкин подарок: сколько там ещё осталось нежных бело-розовых конвертиков с обсыпанными кокосовой стружкой вафельными шариками?..

«Вот пусть только явится, сразу убью, – зло подумала Марина. – И удочки все поломаю!».

Она посмотрела на часы: скоро десять, а Инна звонила в восемь. Пообещала, что через свои связи в мэрии поднимет на уши всех этих бездельников в МЧС! Наверное, пора уже её набрать...

И тут телефон на столе сам выдал весёлую трель. Марина схватила трубку:

– Инна, вы? Ну что, вам звонили, нашли их?!

– Нет пока... Я подумала, вдруг у вас какие-то новости... Нету, да? Ой, я уже ни плакать не могу, ни злиться! Зачем он поехал, зачем! И ведь я сама разрешила! Ну что мне стоило сказать: «Антоша, ты с ума сошёл, ведь сегодня восьмое марта!». Он бы и спорить не стал, – она всхлипнула, – он у меня такой рыцарь.

– И мой! Он такие сюрпризы нам оставил с Сонечкой на праздник, с таким вкусом выбрал, не поверите!

– Это приятно... Мой тоже...

– Я вот что думаю, слышите? – горячо задышала в трубку Марина. – Вдруг они просто сломались, а? Денег-то у Серёжи не особо в последнее время, а машина наша старая... И стоят, где связь не ловит. Бывает, я ему на рыбалку звоню, говорим нормально, и вдруг «Пи-пи-пи, абонент временно недоступен». А помочь им там некому, не поехал сегодня никто, вон как замело. Инна Павловна, вы не попросите своего знакомого в мэрии, чтобы он дал технику и проверили дорогу? Ну точно они там застряли, я прямо чувствую! Я пока Сонечке не говорила про папку...

– Да, я попрошу, непременно попрошу! А если вдруг у вас будут какие-то новости, сразу мне звоните, вот прямо немедленно!

Инна уронила смартфон и упала на диван, закрыв лицо руками. «Всё правильно, конечно, правильно, – твердила она про себя. – Лучше им пока не говорить ничего. Обе машины нашли пустые на берегу, какие могут быть варианты?! Лучше не думать об этом, нет! Не может с ним этого случиться, не может – и всё! Антоша, милый мой, хороший, рыцарь ты мой Ланселот...».

Марина долго сидела без сил и смотрела на окно, потом встала и раздвинула шторы. На стену сразу же прыгнул солнечный зайчик – прямо на их свадебный портрет в рамке. Сергей, совсем неузнаваемый, без единой морщинки, стоял в немного мешковатом костюме, с галстуком-бабочкой, и из его широко открытых глаз готовы были выпрыгнуть такие же солнечные лучики.

– Ты только вернись, Серёженька! – попросила Марина. – Ты прости, это я спросонья на твой подарок обиделась, как дура, сама ведь говорила, что нужна новая сковородка, а то от нашей уже отвернуться нельзя, сразу всё пригорает... Приезжай скорее, как мы без тебя? Не хочешь таксистом – не надо, я помню, какой ты приходил чёрный после смены. Мы и на мою зарплату протянем, я могу ещё и утренние смены в магазине брать, а ты дома побудешь, с Сонечкой уроками позанимаешься. В парк пойдём гулять, как раньше всегда летом ходили, помнишь? Ты нам венки сплетёшь из одуванчиков, а Сонечке – двойной, как у принцессы...

17

Ледовое поле величиной с государство Монако неспешно дрейфовало куда-то в сторону Северной Америки. Путь ему преграждала лишь гряда Курильских островов, растянувшаяся от Камчатки до Хоккайдо.

Когда солнце вскарабкалось выше самого высокого курильского вулкана Алаид на острове Атласова, оно с удивлением заметило странное тёмное пятно недалеко от белого края, в который хлестали волны.

Утренний мороз уже расслабил свои чугунные объятья, но пятеро рыбаков и одна рыбачка, сдвинув вплотную санки и складные стульчики, сидели неподвижно, словно позировали невидимому скульптору. Ульяну разместили в центре, она сжалась в комочек на коленях мужа, укрытая его прорезиненным рыбацким плащом, спрятала на груди онемевшие сухонькие кулачки и задремала, время от времени тихонько поскуливая.

Серёга поднялся, вызвав всеобщее недовольное шевеление, и огляделся вокруг. Ветра не было совсем, и стояла такая невероятная тишина, что слышно было, как сонные чайки где-то вдали хлопают затекшими за ночь крыльями, собираясь на утреннюю разведку.

«Надо бы сходить к палатке, - подумал он, - отряхнуть от снега, а то с вертолёта могут и не увидеть».

Он сделал несколько неуверенных шагов и остановился. Сил идти не было. Всё-таки они капитально задубели, особенно перед рассветом, когда к морозу добавился взбесившийся ветер, который никак не мог решить, в какую сторону ему лететь, и крутился волчком вокруг них, выдувая остатки самогона.

Собравшись с духом, он несколько раз присел, сделал резкие круговые махи руками – вперёд и назад. Тело отреагировало болью, но жить стало чуть теплее. Он заметил тропинку, которую они натоптали, убегая из палатки, и двинулся по ней. Долго идти не пришлось: издалека было видно, что в том месте, где стоял Костин оранжевый дворец, покачиваются на волнах живописные обломки припая.

«Не зря Костя молился, – вспомнил он. – Наверное, Бог всё-таки услышал, увёл нас оттуда».

Возвращаться и рассказывать о пропаже не хотелось. Волгин опять начнёт слюной брызгать, Игнатов ляпнет что-нибудь мрачное, а Костя как бы вообще не свихнулся... Серёга извлек из пачки последнюю сигарету, прикурил и вдруг услышал со стороны моря слабый-слабый, далёкий-далёкий, но ровный и явно механический звук. Неужели катер?! Он прислушался – ну точно, так может работать только лодочный мотор!

«Правильно, – вспомнил он, – в новостях о спасении таких же «мамонтят» всегда пишут, что сначала оторвавшийся припай обследуют катера на воздушной подушке, мы даже как-то видели такой, с огромным «вентилятором» на корме, а вертолёты поднимают в самом крайнем случае. Но если сидеть далеко от края, нас тупо не заметят!».

– Эй, сюда-а! Мы ту-у-ут!!! – крикнул он что есть силы и тут же захрипел, закашлялся, поперхнувшись сигаретным дымом. «Да, орать долго не получится... Надо было свисток с собой брать, как советуют умные люди, веса никакого, а вот сейчас пригодился бы».

Он печально побрёл назад, к товарищам, и вдруг оживился и резко прибавил шаг. Все уже встали с мест, потихоньку разминали застывшие руки и ноги, только Костя, прижав колени к груди, продолжал сидеть на своём отпускном оранжевом чемодане.

– Ты чего там орал? – равнодушно спросил Игнатов.

– Глюк поймал с похмелья, – предположил Витёк. – Эх, кабы знать, я бы с собой четыре «полторашки» взял!

– А я бы холодца нашего, домашнего, – облизнула губы Ульяна.

– Жирного много после сорока вредно, шлаками сосуды забивает, – предупредил Игнатов. – Смотри, Ульянка, до пенсии не дотянешь...

– Да хватит вам! – накинулся на них Волгин. – Душу зачем травить?!

– А я не хочу ни есть, ни пить, – проскрипел Костя, дёрнув плечами. – Согреться хочу и уснуть. Потом чтобы сразу проснуться – а мы с Кариночкой в Токио, а вот это всё – сон дурацкий!

– Ладно, братцы, хорош ныть, лучше заткните уши, – бодро сказал Серёга. – Буду ангелов звать.

Он вытащил из рюкзака новенькую, уже испытанную в деле сковородку, поднял свой бур, поставил вертикально... Звон получился с небольшим дребезгом, но зато одновременно очень громкий и противный. Именно про такой говорят: душу вытряхивает.

Все присели от неожиданности. А Серёга стучал и стучал, не обращая внимания на протестующие жесты друзей, на стаю чаек, которая с возмущёнными воплями поднялась у них за спинами и полетела куда-то к солнцу, скрывшемуся за пышным, в полнеба, облаком.

Когда солнце часа через три снова выглянуло, смешные суетливые человечки в прежнем составе опять позировали невидимому скульптору, расположившись недалеко от ломаной границы ледового поля, спинами к ветру и морю. Один стоял немного поодаль от остальных, держа руках две металлические штуковины – одну длинную, другую круглую.

– Ну что, пять минут прошло, отдохнули? Затыкайте уши! – предупредил Серёга и взмахнул сковородкой. Тонкий дребезжащий звон с гнусавым подвывом полетел во все стороны.

Серёга уже и сам почти оглох, лыжная шапочка не спасала. Он пробовал как-то разнообразить сеансы подачи звукового сигнала, стучал то медленнее, то быстрее, иногда выстукивал какой-нибудь незамысловатый ритм. И всё равно мозги выпрыгивали из головы от этого гнусавого звона.

Вдруг он почувствовал на плече чью-то тяжелую руку, опустил сковородку и медленно оглянулся. Перед ним стоял высокий плотный мужик в жёлтом спасжилете, из-под которого виднелись краешки погон. Он что-то говорил, но сквозь остаточный гул в голове Серёга не мог разобрать ни слова. Покачал головой и показал руками на уши: извини, друг, не слышу.

– Хватит уже греметь! – прямо в ухо ему повторил мужик. – Сообразили же, за пять кэмэ вас слышно! Ну что, отдохнули, нарыбачились? На берег все поедут, или, может, кто останется?

Примечания -----

¹ Зубарь – так на Сахалине называют корюшку-зубатку, промысловую рыбу, которая особенно ценится в вяленом виде.

² Рыбалка в Японии (англ.).

³ Миллер Алексей Борисович, с 2001 года – председатель правления ПАО «Газпром».

⁴ Буранщиками на Сахалине называют водителей снегоходов, которые в сезон зимней рыбалки оказывают услуги по доставке рыбаков к местам лова, иногда увозя клиентов на расстояние до 10 км.

⁵ Выражение «Придёт Жора» на местном рыбацком сленге означает «Начнёт активно ловиться рыба»; произошло от слова «жор» – активный утренний или вечерний клёв.

⁶ «Мотособака» – небольшой разборный снегоход, рассчитанный на одного человека.

⁷ «Химией» на Сахалине называют искусственную насадку для ловли корюшки и других видов рыб на подлёдной рыбалке.

⁸ Обурить – на рыбацком сленге означает подойти вплотную к удачливому рыбаку и проделать лунки совсем рядом; из-за этого у рыбаков может спутаться леска, а шум от сверления льда распугивает рыбу, особенно на небольшой глубине.

⁹ Песня «Огуречик-огурец» (слова Юрия Филинова). Послушать можно по ссылке: <https://ok.ru/video/1778466360028>